

ГЛЕБ СЕЛЕЗНЕВ

ПЛЕМЯ – ИСТОК, ПЛЕМЯ – ИСХОД

Глеб Селезнев

Племя – источник, племя – исход

«Издательские решения»

Селезнев Г.

Племя – исток, племя – исход / Г. Селезнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507320-4

Непонятный, замкнутый мир, потерявший свои луны и старое Солнце. Мир, переживший загадочный катаклизм длиной в тысячелетия. Мир, где вынуждены как-то сосуществовать и взаимодействовать «возрекающие», разделённые на шесть рас, которым не до загадок окружающего, потому как равновесие, длившееся между ними с самого «Новорассветья» оказалось нарушенным.

ISBN 978-5-00-507320-4

© Селезнев Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Цз́ра	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Племя – исток, племя – исход

Глеб Селезнев

© Глеб Селезнев, 2019

ISBN 978-5-0050-7320-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Цзара

В одной из Книг Памяти Ювэа-Дарга, в цикле, посвящённом утрате Мергалона и её предыстории, есть такое четверостишие:

*Залы, троны и дорожки —
Королям обычным, прошлым.
В Хааскате обновлённом
В поле спит вожак верховный.*

Кто был тем весёлым поэтом, невпопад, в серьёзную историческую книгу, вписавшим данные строки, неизвестно. Скорее всего, это был кто-то из юных предносящих – учеников магов Круга Ожидания, и остаётся только догадываться, какое наказание он понёс за свою выходку, и понёс ли вообще, стих-то ведь оставили.

Речь в нём идёт, конечно, о Вулгаре – первом избранном короле новой эпохи, которого сами маги и нарекли данным именем, и, в значительной степени, довели до трона. Однако, надежд, возложенных на него, Вулгар, названный от рождения Цзарой, никак не оправдал, и великих целей своих маги через него так и не достигли. Хотя, туамы – жители страны, которой стал править Вулгар – навсегда запомнили помощь магов и объявили о постоянной защите Круга Ожидания и Башни Ювеа-Дарга. Поэтому маги всё же получили свою выгоду во всей этой истории и всегда с большим уважением во всех своих летописях отзывались об этом до поры до времени никому неизвестном туаме. Тем боле что не было его вины в том, что вся эта история закончилась не так, как планировали они.

До сих пор неизвестно, как они нашли его, хотя в этом нет ничего удивительного – ведь они располагают наследием валаров. Другой вопрос – почему они выбрали именно его, ведь даже никто из предков этого юноши никогда не занимал ни должности вождя своего племени, ни даже должности кого-нибудь к вождю приближённого. Кстати, вообще неизвестно о происхождении и жизни предков Цзары, ясно только то, что самые далёкие его пращуры пришли вместе со своим народом на территорию Хааска давным-давно с Дальнего Запада, на котором ныне обитают одни инодумы.

Всё своё детство Цзара провёл в степи, принадлежавшей племени Дожей, с которой оно не укорёвывало в те времена несколько долгих лет – просто некуда было кочевать. К семнадцати годам Цзара уже соорудил свой арду – переносное жилище туамов-кочевников, научился охотиться в одиночку и изготовил собственный лук из слизнякового дерева – в общем, сделал всё, чтобы стать мужем. Почти весь народ туамов, кроме, разве что, племени Высоколазов, следовал подобному обычаю, а именно: мужчина, достигший совершеннолетия, не имел права брать жену и заводить детей, пока не обзаведётся некоторым хозяйством и не овладеет навыками, необходимыми для жизни и блага будущей семьи. Женщину, готовую стать его женой, Цзара уже давно выбрал, поэтому ему оставалось только одно: убить большого нивура и принести его на совет приближённых к вождю туамов, дабы сие собрание решило – готов ли он к ипостаси мужа-охотника, или же ещё нет. Именно в этот ответственный для юноши день и случились те решающие события, благодаря которым, река его жизни сделала резкий и неожиданный поворот.

Выйдя в степь с самого раннего часа, в то время, когда сонные ещё и проголодавшиеся за ночь нивуры – массивные стадные животные наименее бдительны, Цзара быстро почувствовал запах пастбища. Идти пришлось недалеко, так как стадо остановилось совсем рядом с долгосрочным лагерем племени, на берегу реки Желтоварой. Правда, обосновалось оно по левую

сторону Скудняка – ручья-притока Желтоварой, и его пришлось переплывать, поднявшись на несколько сот шагов вверх по течению.

Долго и упорно молодой туам подбирался к водою нивуров, прежде чем выбрал из них самого смелого и самоуверенного – того, который не боялся уходить дальше всех от стада. И в решающий момент он, подобно дикому хищнику, бросился из высокой травы на загривок огромному животному, намереваясь в несколько мгновений перерезать тому горло. Но нивур одним мощнейшим толчком скинул юношу с горба, располагавшегося между его лопаток, и рванулся в сторону от повисшего у него на шее Цзара. Туам вцепился в жирную волосатую шкуру животного изо всех сил и не выпустил бы её, даже несмотря на то, что ударился головой о камень, если бы не видение, пришедшее откуда ни возьмись сквозь вспышку света перед глазами, сопровождавшую болезненный удар.

Цзара в нелепой позе остался сидеть на земле, ошалело глядя в сторону убегающего нивура. Перед глазами его, постепенно ускользая куда-то, словно дым, сдуваемый ветром, всё ещё маячил образ возникшего в упущенный момент всадника на белом скакуне, прижавшего к губам скрученный вдвое рог. Но не так важно было само видение, сколько звук, пришедший издалека – Цзара мог поклясться, что он был реальным. Только вот Рог Сердец, а уж тем паче племени Дождей, туамы не использовали со времён незапамятных.

Схватив лук и костяную палицу, забыв и о нивурах и об обряде, Цзара, помчался к селению. Оказавшись там через несколько минут, юноша увидел странную картину: совет приближённых к вождю, похоже, не стал ждать и начался без него, причём на топоте, а не у арду шаманов, как полагалось, и собрались на нём чуть ли не все соплеменники Цзара. И что больше всего бросалось в глаза – лица туамов были какие-то тревожно-скорбные.

Стараясь не привлекать особого внимания (впрочем, старайся он даже делать обратное, у него это вряд ли бы получилось – все напряжённо вслушивались в голоса вождя и шаманов), Цзара потихоньку подошёл к краю площади. Площадь эта среди туамов называлась обычно топотом – так как являла собой место, свободное от торчащих вокруг куполов арду и была больше всего вытоптана ногами. В центре топота был сложен большой очаг племени, который разжигали с наступлением вечера. Подле очага стоя, а не сидя на земле, как полагалось на больших советах, разговаривали, то задумчиво глядя в землю, то вспыхивая гневом и яростно жестикулируя, то обречённо опуская руки, главы самых уважаемых в племени семей, оба шамана и сам вождь Ткунтву. Цзара встал в один ряд с туамами, образующими вокруг говорящих плотное кольцо и прислушался.

– Были же предложения перекочёвывать этой весной, – сокрушённо бросил, ни к кому не обращаясь и вообще глядя в землю, Двэвзу – престарелый туам, давно вышедший из возраста охотника и верховодивший уже долгое время «земляным делом» – добычей женщинами в лесу и степи кореньев, растительных приправ и компонентов для снадобий.

– И что тогда? – зло скривившись, спросил Туэ́тца, отвечающий за запасы всего съестного содержания, заготавливаемого племенем впрок. – Скв́арны пришли бы в эту степь и, не найдя тут племени, отправились бы в Мергалон с пустыми руками? А поб́дать бы мы каким образом им платили? Птицам к лапам привязывая?

Двэвзу и до того был мрачным, а теперь нахмурился ещё пуще, став темнее головёшек от кострища, рядом с которым стоял.

– Для того, чтобы воины Мау́ра отправились в Мергалон с пустыми руками, а не решили бы нас искать, нужно было бы идти далеко, – рассудительно проговорил Са́а – самый старый из приближённых к вождю туамов. – Если на север, то до самого Вирсинкского леса.

– К племени Голого Солнца... – послышался чей-то едва внятный голос, и было непонятно, откуда он прозвучал – из окружения советников вождя или из толпы, что его обступила.

– Племя Голого Солнца, говорят, не платит скварнам подати... – снова послышался чей-то голос, но уже более разборчивый.

– Тихо! – оборвал вождь Ткунтву, повернувшись на время к туамам, после чего наступила продолжительная тишина. Цзара всё настороженно мотал головой по сторонам, пытаясь высмотреть в толпе кого-нибудь, у кого можно бы было спросить о том, что же всё-таки случилось. Из разговора он не понял решительно ничего.

Через несколько минут непрерывного молчания, продравшись сквозь толпу, к главному очагу, сильно спеша, вышел самый молодой из приближённых – Тэйевуна, главный охотник и лидер воинов племени.

– Вождь, – обратился он к Ткунтву, – В арду не осталось ни одного туама, все здесь, на площади. Воины, ушедшие вчера на большую охоту, вернулись, но встречи со скварнами им, как мы надеялись, избежать не удалось. Вернулось только четверо, – при этих словах по толпе прошелестел почти неслышимый ропот. – Итого, скварны забрали с собой тридцать семь здоровых сильных мужчин. Если считать троих убитых, мы потеряли ровно сорок воинов, – Тэйевуна замолчал, и снова настала тишина.

Так значит скварны приходили за воинами, с болью в сердце подумал Цзара. Скорее всего, Мергалон начал войну, о которой так давно шли слухи. Только вот с кем они собрались воевать? Неужели и впрямь с одной из рас инодумов? С возрекающими у них не могло быть никаких распрь: Хааск платил дань скварнам, с Лигбндом у них был союз – самый сильный в окрамйрье, как говорили... Луноглазые вообще не жили племенами... Нервные размышления в голове Цзары текли, словно сами собой, а он всё не мог сосредоточиться и понять, что за тревожное предчувствие пробивается сквозь них, хотя оно и было таким очевидным. Внезапно резко и с дикой яростью заговорил Туэтца, и слова его, словно плётка из сухожилий, стали хлестать по сердцу:

– Из тех троих только двое были воинами, да и вообще могли зваться туамами. Этот прибудный Птах вообще был никуда не годен, клейте стервятники того бездельника душу...

– Птах! – вырвалось неволью у Цзары.

– Да, да, Птах, – презрительно протянул Туэтца. – Нету больше дружка твоего, большеглазого, большеглазыми вскормленного...

– Заткнись Туэтца! – оборвал его речь Тэтрэваа, брат будущей жены Цзары, который не входил в число приближённых к вождю и был намного моложе того, к кому сейчас столь дерзостно обратился

– Что ты сказал?! – заревел Туэтца в ответ, но ему не дал продолжить Тэйевуна:

– Закройте рты оба! Нашли время перепираться. Сорок воинов увели сегодня скварны в свой город. Сорок мужей потеряли сегодня жёны. Сорок охотников больше никогда не вернуться в эту степь – скварны никогда не возвращали туамов. И вы думаете, что сейчас время для старых распрь? Птах, пришедший от луноглазых был не от мира сего, но он был охотником, а сейчас у нас каждый из них на счету. Кто будет заготавливать снедь на мёртвый год? Женщины пойдут за нивурами? Дети? Уж вы-то все точно в стороне не останетесь, – он оглядел своих приближённых, – За исключением, разве что, Саа.

С сегодняшнего дня для нас настают тяжелые времена. Поэтому медлить нельзя ни минуты. Двэвзу, проследи чтобы обернули мёртвых. Хотя... Ишки и его брату могли бы оказать почесть его родственники, но у них осталась только слепая бабка, от которой не след ждать помощи. А Птаха можешь вообще обернуть только ты, Цзара, ты был ему ближе всех. Возьми кого-нибудь в помощь и проводите в мир лун всех троих. Я думаю, все согласны, что так будет правильно – он выдержал небольшую паузу, прислушиваясь к толпе, и, убедившись, что никто не против такого решения, продолжил. – Как твоя охота, Цзара?

Юноша растерялся, не найдя как ответить побыстрее, чтобы объяснить всё, что произошло на охоте. Будь ситуация немного иной, ему стало бы досадно от этого факта, но только

не сейчас. Сейчас его душу переполняла такая тоскливая слабость, что он попросту плюнул в сердцах и опустил голову перед взглядом вождя.

– Жаль, – молвил тот, сразу поняв мысли Цары. – Сейчас у нас каждый нивур, каждая птица, каждая полоска мяса на счету. Я понимаю, ты готовился сегодня стать мужем, но сейчас, как видишь, не до празднеств. Потерпите немного. До лучших времён. Впрочем, если вам так удобнее можете жить вместе, – он замолчал ненадолго, бросил короткий устало-жалостливый взгляд на молодого туама и закончил. – Ну иди. Проводи своих друзей в тот мир, где валары и луны вечны.

Цзара, спросив туамов о том, где искать тело Птаха, с поникшим и безучастным видом выбрался из толпы и пошёл в сторону арду предков, в сопровождении Тэтрэваа, который согласился ему помочь. Поначалу Цзара хотел спросить, как именно умер его друг но, поняв, что это на самом деле его не интересует, продолжал идти молча, только морщась, словно от гадостного привкуса во рту.

Птах и двое других охотников лежали возле арду шаманов, в котором хранились немногочисленные реликвии, общие трофеи и вообще предметы, священные для племени Дождей, в том же положении в каком и были умерщвлены. Их даже не оттащили с тропы – видно некогда было и некому, подумал Цзара и, приняв к сведению данный факт, мельком попытался вообразить себе, что творилось в селении в то время, когда он был на охоте. Тело одного лишь Птаха, его неестественная поза и словно что-то всё ещё пытающаяся сжать рука могли навести на мысль о том, что его тревожили уже после смерти. Тэтрэваа проследил за тем, как Цзара молча, немного неуверенно, будто затянутый какими-то своими мыслями, прикрыл ладонью большие чистые глаза, благодаря которым Птах был так похож на луноглазых, от коих и пришёл в племя Дождей однажды.

– Они попытались сопротивляться скварнам, – медленно начал Тэтрэваа, словно внимательно изучая напряжённое лицо Цары.

– Да это и так понятно, – вздохнул Цзара. – Птах иначе и не мог.

– Да, он попытался поднять воинов, убедить что они не вуфсле¹, которых не спрашивая ведут, куда захотят хозяева. Его поддержали только Ишки и Кидцши. Туэтца и его родичи кричали, чтобы они подчинились...

– Крысоухая змея, – сквозь зубы проговорил Цзара. Его даже затрясло, когда он представил себе эту картину. – Трус поганый.

– Трусость или смелость тут ни при чём. Дело в выборе стороны, – Тэтрэваа помолчал немного, а затем продолжил. – Птах был настойчив. Он прибежал сюда и вынес из арду Рог Сердец...

– Я его слышал! – перебил Цзара.

Тэтрэваа слегка нахмурился при этих словах и продолжил, словно слегка насторожившись:

– Да, он успел вострубить один раз, прежде чем скварны его застрелили. Он знал, что это ни к чему не приведёт: ни одного племени рядом нет на несколько тысяч шагов вокруг, а в племени Дождей никто бы не встал против Мергалона, кроме них троих, и это он знал тоже. Ни я, ни мой отец, ни Ткунтву не сделали бы этого. Мы все стояли в стороне. Встать бы мог только ты, если бы был здесь... – он замолчал, как будто не окончив фразу, но при этом уверенно смотря на Цзару и твёрдо закрыв рот.

– Я... – негромко протянул Цзара. – Что ты... у меня бы не хватило духу. Я не Птах...

– Ты бы не смог сделать иначе, даже если сам об этом не знаешь.

Цзара напряжённо потеревил волосы.

– Зачем ты говоришь мне это?

---

¹ «Вуфсле» -скот, домашние животные

– Пошли в сад ружи. Нужно, наконец, обернуть твоих друзей.

И Цзара поплёлся за Тэтрэваа, силясь понять, чего тот от него хочет и одновременно скрутить в груди всё нарастающую боль, вызванную этой фразой – «обернуть друзей». Ведь и правда, хоть с братьями Ишки и Кидциши он не был так близок как с Птахом, но всё же ближе этих троих ему в племени не был никто.

Пока они шли краем стоянки, Цзара с комом в горле смотрел на туамов, оставшихся в племени. Женщины рыдали и стонали, как никогда на его веку. Оставшиеся охотники и не доросшие до копья юнцы скорбно пытались собрать свои силы и мысли, дабы вернуться к обычной жизни, которая теперь должна была стать ещё тяжелее. Воздух был полон тревоги, сквозь которую приходилось продираться, словно сквозь липкую паутину.

Они молча перенесли тела погибших в сад ружи, и молча стали собирать с приземистых деревьев огромные плотоядные листья, стараясь не касаться голыми руками ядовитой влаги, выступающей в местах разрывов. Они также безмолвно уложили покойников на пустые, не заполненные ещё места и, не сказав друг другу ни слова, стали аккуратно заворачивать их в живые саваны, предварительно сняв с них всю одежду и украшения. Уложив получившиеся коконы на выбранные места, Тэтрэваа и Цзара слегка приткнули прилистники в разрыхлённую землю могил и, закончив ритуал, сели, как полагалось, у ног обёрнутых. Через пару дней листья ружи уже должны будут пустить первые корни в землю, а внутрь коконов, естественным образом укрепившихся и отвердевших, начнёт поступать сок, обращающий в память всё живое. Через два года на этом месте будут стоять уже три новых дерева ружи, скорбящих о всех ушедших вслед за лунами и валарами.

Тэтрэваа закурил и, выпустив несколько клубов синего дыма, передал трубку Цзаре, продолжая прищурившись смотреть в воздух перед собой. Его обветренное, постаревшее раньше времени лицо казалось таким же сухим, неспособным к движению и почти мёртвым, как и деревья, что их окружали. Цзара редко общался с этим вечно печальным болезненным туамом, даже несмотря на то, что они вот-вот должны были стать родственниками, и вообще знал не много о его несомненно богатой событиями жизни, но тем не-менее его поражали порой рассуждения и какие-то нездешние фразы, произносимые им иной раз.

Жизнь Тэтрэваа была для Цзары загадочной и тёмной, как мгла в пещере. Будущего родственника нельзя было назвать немногословным, и говорить он очень даже умел, не в пример Цзаре, однако рассказов о его жизни, точнее о той её части, которая была проведена вдали от племени, молодой туам совсем не слышал. Лишь слухи и обрывки чужих домыслов давали туманное представление о его работе посланника или гонца – существовала такая должность, когда Цзара ещё был ребёнком. Тэтрэваа был одним из последних таких посланников и видел, скорее всего, как весь Хааск прогибается постепенно под напором Мергалона, как всё приходит в упадок, как туамы превращаются в рабов. А уж об отдельных эпизодах его странствий и говорить нечего – о них, наверное, не знал никто, кроме него самого.

– Семья Туэтцы теперь не даст тебе покоя, – заговорил Тэтрэваа.

Цзара молчал, не зная, что ответить. Он и так осознал, что теперь, после того как погиб Птах – тот, кто однажды вселил в его душу какое-то тревожно-тоскливое чувство, рассказывая о местах в которых бывал; после того, ЧТО тот сделал перед смертью, неприятностей у него станет намного больше. Они и раньше были – тех, кто так тесно общался с пришедшим от луноглазых всегда недолюбливали, правда далеко не все, а на выразивших свою неприязнь открыто Цзара всегда старался демонстративно не обращать внимание. Теперь же вражда с Туэтцей и его родственниками возрастет многократно, особенно вкуче с нынешней ситуацией в племени. А он остался почти один...

Тэтрэваа, забыв о трубке, которую Цзара так ни разу и не поднёс к губам, смерил глазами собеседника, всё больше мрачневшего и углублявшегося в свои мысли, и медленно проговорил:

– Тебе лучше уйти из племени.

Цзара встрепенулся. Некоторое время он молча таращился на брата своей будущей жены, прежде чем сбивчиво ответить:

– Т-ты что... да плевать я хотел на этого Туэтцу. Раньше терпел и сейчас стерплю. Да вождь сам его скоро с поста снимет, продолжай он в том же духе. Всё племя уже извёл, кладовщик прокисший.

– Дело не в этом, – вздохнул Тэтрэваа. – Хотя и в этом несколько тоже. Но главное... – он снова нелегко вздохнул. – Я видел много туамов, Цзара, хоть мне и не так много лет. Но несколько раз я бывал в других племенах, ещё будучи гонцом. Я видел и скварнов и большеглазых. И даже однажды встречал молга. Большинство из того, о чём рассказывал Птах для меня не было чудесами. Моя судьба пересекалась со множеством других судеб возрекающих. Я знал невероятно красивых и сильных из них, трусливых лживых и жадных. А ещё дико злых и жестоких. Я видел и поступки, достойные как негодования, так и уважения. Сам я никогда не был ни особенным, ни великим и не делал почти ничего ни достойного уважения, ни негодования, – вся река моей жизни ограничивалась мелкими и низкими берегами. Сегодня в селении я не встал рядом с Птахом, а лишь наблюдал за всем из толпы. Как все остальные. Говоря, что ты поступил бы иначе – я говорил тебе самую, что ни на есть, правду. Повидав столько, я могу быть уверенным в этом. Так вот, Цзара, тебе и твоей судьбе не место в несвободном племени. Оставшись, ты будешь всю свою жизнь жалеть потом об этом дне, как я жалею... больше таких возможностей нет и не будет.

Тэтрэваа остановился, вытряхивая о камень потухшие угольки и золу из трубки. Цзара молчал. Когда-то давно, после того, как в племя приплёлся полуживой Птах и выздоровев, стал рассказывать о вольном и одиноком народе луноглазых, Цзара стал грезить историями, вытекавшими из его красивых уст. Но каждый новый сезон приходили воины Мергалона и забирали подать, а племя Дождей ни разу на его памяти не укочёвывало со своего становища, потому, что скварны привыкли приходить именно сюда. Когда Птах окреп, и они, сдружившись с Ишки и Кидцши стали вместе уходить на охоту всё дальше и дальше, им становилась приятной мысль о возможности уйти совсем. Но со временем Цзара всё больше привязывался к племени, готовился уже стать мужем и грёзы о небывалых сторонах окрамирья становились всё слабее, пока и вовсе не сошли на нет, уступив место привыканию к существующему порядку. А теперь его друзей и вовсе не стало. Как же он уйдёт без них? Куда и зачем?

– Я понимаю, сложно покинуть родное племя, которое дало тебе всё, что ты имеешь: крышу над головой, пищу, тепло. Защиту от диких зверей. Но наше племя, да и вся наша раса не свободны. Так было не всегда, ты знаешь это, и так не должно быть и сейчас. Я не знаю, есть ли туамы, способные изменить это обстоятельство, но твёрдо знаю, что есть такие, кто мог бы попытаться. Такие, как ты и Птах, к которому ты был ближе всех и который один смел в открытую говорить о неправоте скварнов. Но Птах в душе был наполовину большеглазым. А телом был очень слаб после тех ран, что так до конца и не зажили. И звук Рога Сердец, вызванный его больной грудью, получился таким тихим, что даже в селении его слышали не все. Но его слышал ты, находясь в долгих сотнях шагов отсюда – и это неспроста. Я уверен, тебя ждёт не судьба раба-охотника, за которым однажды придут скварны, чтобы, словно вуфсле, увести на свою войну. А судьба чего-то большего.

– И что я сделаю один? – устало спросил Цзара. – Я верю тебе и даже хочу оказаться тем, кто бы освободил туамов от власти Мергалона, но совершенно не представляю себя на этом месте.

– Я не побуждаю тебя освобождать Хааск. Я просто вижу силу в тебе и чувствую, что ты способен на многое. Хорош бы я был, принуждая тебя отправляться в скитание на поиски силы, способной подняться вместе с туамами против скварнов, а сам сидя при этом в тёплом арду в ожидании, когда что-нибудь изменится. Я лишь не хочу, чтобы ты, оставшись сейчас здесь через много лет мучительно вспоминал этот день, молча смотря как убивают кого-то сильнее и чище тебя. Ты, быть может, сам не увидел бы выбор, явившийся перед тобой. Я тебе его показал. А моя сестра, на которой ты хотел жениться... заглянув внутрь себя ты и сам можешь понять, что не в ней твоя судьба. Если уже не понял.

Цзара издал исполненный тоски гортанный звук и крепко сжал голову предплечьями.

– Я бы хотел этого, – с горечью в голосе заговорил он. – Увидеть и возрекающих, силой и волей которых восхищаются многие, и места, о которых рассказывал мой друг. И уж тем более оказаться тем, кто смог бы сделать для всей расы туамов то, чего не смог сделать никто. Но кто я такой? Я даже ещё не муж – мальчишка. Я не смотрел могучим воинам Мергалона в глаза, я никогда не дрался ни с одним возрекающим и не убивал никого из них – а ведь без этого невозможно... ладно, пусть даже не в битвах дело. Я даже говорить-то толком не умею. Словно слова забываю, когда от меня этого больше всего требуется. Куда я без своего племени, которое само заменило мне и отца, и мать.

– Твои отец и мать не зря решились зачать тебя в таком позднем возрасте. Быть может, сами что-то предчувствовали. Я говорю тебе как брат сестры, которой сам однажды посоветовал в мужья именно тебя, не видя во всём племени лучшего – в тебе есть сила, о которой ты сам до сих пор не знаешь. А может и знаешь. Вспомни, как в прошлый мёртвый год ты выгнал к стоянке троих шву. Не спорь, без тебя этого бы не случилось. А когда умерли твои родители, ты, не смотря на свой возраст, провёл весь обряд практически сам и на следующий день ушёл на охоту, из которой тебя уже и ждать перестали. И вспомни, как ты вернулся? Разве нужны были тебе тогда какие-то слова?

А здесь твою силу загубят Туэтцу и ему подобные. Я подарил тебе совет и своё слово. Твое дело, как ими распорядиться. Если тебе понадобится что-то, я не пожалею для тебя ничего, кроме женщины и детей. Я закончил. А теперь пошли, мы и так уже слишком долго сидим здесь – не дело это.

Цзара, похоже, вообще не услышал его, продолжая сидеть и смотреть на то, как мертвое незримо превращалось во вновь живое, и Тэтрэваа решил, что лучше всего оставить его наедине со своими мыслями и тихо поднялся. Но Цзара, неожиданно для самого себя остановил его, ощутив вдруг с порывом тёплого ветра небывалый прилив сил, и сказал громко, во весь голос:

– Я принимаю твой совет, брат той, которая женой мне никогда не станет, как величайший дар жизни. Пожалуй, я не стану медлить, пока меня вновь не одолели сомнения. Я уйду этой ночью. Мне ничего не нужно – ты итак уже подарил мне лучшее.

И они вместе отправились на северную окраину становища, к арду Цзара.

Однако сомнения всё же явились к молодому туаму, словно ночные призраки, как только он попытался лечь, и стали наваливаться на него, впиваться в разгоряченную голову сотней когтей и шипов, рвать на части связные мысли, размывая все границы между сном и явью. Где-то в середине ночи, Цзара, не выдержав борьбы с самим собой, выбежал из арду на улицу, трясясь от холодного пота. Становище спало тревожным сном. А может и не спало вовсе, а лишь пыталось заснуть, также как он. Но стояла такая тишь, что можно было услышать, как упавший лист ударяется о землю. Сейчас племени, как никогда нужна была помощь. Как никогда ему не хватало взрослых мужей. И именно сейчас Цзара собирался уходить. Большинство, наверное, расценят это, как бегство. Но ведь он решил уйти, чтобы в первую очередь помочь племени! Хоть и сам не знал, как. В тысячный раз Цзара вернулся к мысли о том, что реальная

помощь пары сильных рук здесь куда важнее призрачной надежды в скитаниях. И в тысячный раз ощутил каким-то высшим чутьём, что Тэтрэваа прав...

Окончательно скорчившись от холода, он вернулся в арду, развел огонь в очаге, набил трубку и стал курить до тошноты и боли в горле. Последние часы перед рассветом он провёл в тревожном ожидании уже неизвестно чего – то ли того, что случится, то ли наоборот, и мечтал лишь об одном, чтобы к нему не пришла Ивис – будущая жена. Они так и не повидались с того момента, как он ушёл на охоту. Он не пытал к ней каких-то особых чувств, как и она, их отношения и несостоявшаяся свадьба были некоей закономерностью в племени, где о большом выборе мужей и жен не было речи. Но сейчас она могла прийти, просто потому что ей было страшно и горько. И это вполне могло стать той каплей... Цзара даже не хотел думать об этом. И, наконец, пришла не она, а рассвет.

– О том, что скварнам и лигондам попадаться на глаза нельзя, я думаю, ты и без меня знаешь, – сказал Тэтрэваа, глядя в сторону готовой вот-вот разлиться по небу зари. – Пгах рассказывал тебе, как выглядят лигонды?

– Я знаю.

– Попробуй поискать большеглазых... луноглазых. Я не знаю, какой можно от них ждать помощи, и на какую помощь ты будешь рассчитывать, но они очень мудры и доброжелательны, хоть и непонятнее из всех, кого мне доводилось встречать. Не говори, конечно, о том, кто ты и откуда...

– Это я и сам понимаю.

Тэтрэваа помолчал немного, прежде чем продолжить задумчиво:

– Ты сетуешь на то, что не умеешь говорить, когда нужно. Но не учишь говорить, учишь обратному – молчать. И слушай других не только в разговоре. Возрекающего нельзя узнать по словам. Его узнают по поступкам.

Цзара выслушал его слова и, вздохнув, повернул лицо в сторону племени, из которого собирался уйти. Всё поселение, проглядывающее сквозь ветви кустарника, в котором они стояли, опасаясь, что их увидят, лежало перед ним как на ладони, спящее и безмолвное. Сомнения и зудящее всё-таки внутри нежелание уходить из родного места конечно же не оставили его. И они не исчезли бы и не ослабли нисколько, пока бы он не покинул территорию, принадлежащую его соплеменникам. Понимая это, Цзара резко отвернулся от поселения и, стиснув зубы, положил руку на плечо Тэтрэваа, а затем, не сказав ни слова, также резко пошёл прочь, навстречу восходящему солнцу. В этот момент рушилось всё его сознание, но взамен его рождалось новое, и оно крепло с каждым шагом, всё больше отделявшим его от прошлого.

А Тэтрэваа ещё долго смотрел вслед уходящему, и в глазах его стояла такая тоска, что случись кому-нибудь из его родичей оказаться рядом, у него на душе тоже стало бы невыносимо печально и сухо.

Прошло множество приятно-прохладных дней, и вновь наступил год жаркой засухи, когда по нескольку месяцев не бывает дождей, но всё же охотники племени Голого Солнца не боялись заходить, следуя окраиной Вирсинкского леса даже в Клыкáнную равнину, с которой начинался Дальний Запад и владения черепагулов. Здесь, в точке схождения трёх больших территорий: Вирсинкского леса, Дальнего Запада и степей, считавшихся принадлежащими Хааску можно было попытать счастье в охоте на множество животных, больше всего отличавшихся друг от друга. Можно было встретить здесь и огромных нивуров, и лесных многоножек, и крылатых ящериц, живущих меж многочисленных каменных валунов, торчащих из ровной земли. Обитало в этом сравнительно небольшом уголке и небывалое разнообразие птиц, а также несколько видов ночных кровопийц, из кожистых крыльев которых самые опытные охотники делали себе удобную обувь. Но даже в таком богатом на дичь месте во время засухи

немногочисленных охотников не сильно баловала удача. Окрамирьем правили сезонные смены лет. Во время года дождей, года благодати всё оно цвело, щебетало и тянуло за ноздри бесчисленными запахами равнин. О пище и воде думать не было смысла – этого хватало всем: и хищникам и травоядным, и охотникам и добыче. Но приходил мёртвый год и отбирал у всего живого и прохладу восточных ветров, и плодородные дожди, а ласково-щекочущее солнце делал безжалостно-раскалённым, превращающим в тлен всё, что не могло укрыться от него в тени.

Шиста уже два дня как пересёк границу между землями Хааска и Дальним Западом и всё глубже продвигался вглубь Клыкаменной равнины в поисках хоть какой-нибудь дичи, но удача, словно ветреная юная девушка из его родного племени всё ускользала от него, только раздражая его инстинкт охотника и аппетит. Мёртвый год был в самом разгаре. Обозлившееся два месяца назад солнце палило так, что волосы на голове начинали скрипеть от налетавшего порой слабого ветерка. Шиста отпустил своего тавта, которому требовалось намного больше воды и пищи, и тот, без особого сожаления отправился назад, к становищу племени. Шиста был зол. Без тавта он не сможет добыть ничего крупнее крылатой ящерицы и вернётся в племя ни с чем. А ведь ещё и самому что-то есть и пить надо.

Всё больше теряя надежду встретить серьёзную добычу, он постепенно склонялся к мысли о предстоявшем через несколько сотен или тысяч шагов неприятном действии: прошении помощи у черепагулов. Вообще-то, к ним он был не прочь зайти и так, без всякой причины, ведь племя Голого Солнца постоянно поддерживало доброжелательные отношения с этой расой. Кроме того, он уже несколько лет не был в этих местах и не видел того, кто однажды спас ему жизнь – своего давнего друга Пте, которого туамы прозвали Вывернутым. Но только вот в норах инодумов тоже давно не так прохладно, как в благодатный год, и у них самих вряд ли много припасов, чтобы делиться ими направо и налево. Там посмотрим, подумал Шиста, слегка поморщившись и ускорив шаги – голое солнце входило в зенит.

И он благополучно добрался бы до первого холма черепагулов и те, не вздохнув и не посоветовавшись, и вообще непонятно что подумав (поди, разберись – что у них на уме, инодумы ведь), выделили бы ему и воды и мягкого, замаринованного в какой-то отраве, но не ставшего от этого менее съедобным, мяса, если бы не этот неожиданный незнакомец.

Это был такой же, как и Шиста туам, которого тот в силу торчащих тут и там каменных клыков заметил только в самый последний момент. Шиста нахмурился и даже испытал некую досаду: незнакомых туамов здесь быть не должно было – все земли вокруг были землями его племени. И этот жалкий, голый, истощённый до крайности и, похоже, сам не понимающий, куда он бредёт, странник являлся неким маленьким нарушением хода событий, который именно в этот момент тщательно расписывал в голове Шиста.

Незнакомец, уже долгое время не бравший в рот и капли воды, по-видимому, кровью своих диких предков чувствовал, в какой стороне находится север, Сухое Море и спасительная прохлада, потому что безошибочно двигался именно туда. Время от времени он останавливался, чтобы присесть в тени гигантских валунов. Они были прохладными, верными и спокойными, не обращавшими внимание на неистовствовавшую вокруг жару, и каждый раз уходить от очередного из них хотелось всё меньше. Он был абсолютно гол, даже ноги его были ничем не защищены, несмотря на коварность и остроту стеблей высокой травы, росшей на границе Хааска и Дальнего Запада. Лишь одна костяная палица была примотана к его бедру и хаотично болталась от его шагов, а все свои пожитки он в виде небольшого бесформенного комка тащил за собой на верёвке.

К тому моменту, когда путник вышел к подножию огромного холма, сплошь издырявленного тёмными норами, рассудок его окончательно помутился, и он даже не понял, что в несколько мгновений подвергся и избежал смертельной опасности. Его вдруг схватили, повалили наземь, ударив о твёрдое и сухо-хрустящее, затем стали дёргать и возить его ослабевшим

телом по земле, словно пытаясь им её вытереть, и, в конце концов, прежде чем он окончательно потерял сознание, услышав напоследок незнакомый рычаще-шаркающий язык, оставили, кажется-таки, в покое.

Шиста испытал смешанные чувства, когда на его пути возник этот доходяга. Он знал, что произойдёт дальше, но продолжал стоять, словно в оцепенении, чувствуя, как внутри начинает скрестись жуткий, потаённый от всех и даже от него самого интерес. Через секунду из холма вылетело и пронеслось мимо Шисты трое черепаглов-стражей, которые набросились на нежданного гостя и повалили его на камни. Не было никаких сомнений в их намерениях, вот только непонятно было, почему они не умертвили мгновенно этого несчастного, а стали медлить. Это-то промедление его и спасло, потому как Шиста вдруг с ужасом пришёл в себя и кинулся в их свалку. Грубо оттолкнув двух черепаглов, уже заносящих свои стальные наколтники, он закрыл сородича телом. Некоторое время инодумы стояли молча и своими ничего не выражающими глазами словно пытались пронзить Шисту насквозь.

– Вы ополоумели что ли? – спросил коротко Шиста, прежде чем один из черепаглов, что до этого стоял в стороне, вновь попытался добраться до лежащего незнакомца.

Шиста снова вступил в короткую схватку со стражниками и после того, как обессилившего путника, не подающего признаков жизни, в общем хаосе протащили всё-таки на несколько метров в направлении холма, выхватил нож, не в силах предпринять что-либо ещё.

– Какого рожна вам от него надо? – прорычал он сквозь зубы на языке черепаглов. – Арш, – обратился он к одному из стражей, которого слегка знал раньше, – Мозги спеклись от жары что ли? Это туам, что не видно?

– Мы видели, что туам, – безучастным голосом ответил после некоторой паузы тот.

– Зачем тогда напали?

– Потому что он не из нашего холма и вообще не из этих мест. От него незнакомо пахнет. Он может быть кем угодно.

– Это туам! Кем он может быть? Лазутчиком ваших врагов – какого-нибудь племени инодумов?

– Не может. Но и союзником он нашим быть тоже не может. А здесь наша территория. И здесь нельзя ходить никому кроме нас и вас.

– Он туам! Мой сородич! Может быть, мой родственник! – продолжал орать Шиста, чувствуя как при этих словах его начинает, словно покалывать. Вдруг в голове возник вопрос: а на черепаглов ли он на самом деле орёт?

– Ну и что? – спокойно отвечал другой стражник. – Он же не из твоего племени.

Шиста громко выдохнул воздух через напряжённые ноздри, а затем склонился над путником, обратив внимание на то, что он уже давно не шевелится.

– Проклятые ящерицы, – прошипел он на главном языке. – Мне нужен Вывернутый. Пте. Стражники молчали

– Шаррис-апухх. Где он?! – вдруг гневно зарычал Шиста. Всё напряжение и злость на прошедшие дни вырвались наружу и выплеснулись на тех, кто оказался в этот момент рядом. Тем более что они этого вполне заслуживали. – Вам я его не отдам! – он указал на лежащего. – Идите в какую угодно дыру, вместе со своими вальхаларами, магами и всеми уродами, каких только знаете! – Затем он громко и долго выругался на родном языке, причём большую часть выкрикиваемых им слов черепаглы просто не могли знать.

После этой вспышки Шиста слегка остыл и некоторое время отдыхался, заметив, что собеседники абсолютно никак не реагируют. Затем, уже более спокойным тоном добавил:

– Могу предложить взамен его жизни что угодно, что у меня есть. Кроме героической смерти, конечно. И отведите меня к своему вождю. Мне нужна еда, – при этом он делано оскалился, и черепаглы, не принявшие и не понявшие его гримасы, молча отправились к холму.

Черепуглы, – протянул про себя Шиста, взвалив на плечо тело путника и оставив валяться на каменистой земле его свёрток. – Инодумы придурковатые. И чего этот сопляк здесь вообще делает. Не мог чуть раньше или позже пройти. Чёрт, но ведь и правда убили и замариновали бы – чего тут гадать? «Он же не из твоего племени...» А если бы это был мой брат, он, что не может быть из другого племени? Хотя, у них, кажется, вообще нет понятия «брат», «отец», «сын». Что ж, а если по уму, то жить так намного легче. Скажем, было бы у нас туго с запасами. Напали бы на холм, что подальше, сожрали бы всех и дело с концом. Ну и что, что черепуглы – не наши же. Шиста со своим грузом с трудом протиснулся в нору – её свод был рассчитан на рост черепуглов, а те едва доставали ему до нижних рёбер. Хотя, может и не стали бы есть – продолжал он размышлять. Что-то я не помню таких историй, чтобы они ели возрекающих. И Пте ведь не зря меня спас тогда, не ради выгоды какой-нибудь там. Хотя, кто его знает? Может, просчитал всё на годы вперёд? Поймёшь разве, – что там у этих смертепоклонников на уме.

Они между тем шли по одному из бесчисленного множества пронизывающих холм тоннелей и ходов, приближаясь к главной пещере, находившейся в центре общего жилища черепуглов. Стены и своды этого огромного каменного арду были сплошь утыканы какими-то камнями, которые светились мертвенно-зеленоватым светом при помощи заклинаний, известных одним только этим существам и не имеющим ничего общего с магией валаров. Ближе к центру, камней становилось больше, а свет соответственно делался сильнее. Наконец, они вышли в огромный зал, где находилось несколько черепуглов – на телах их не было ни одного предмета оружия или приспособления, из тех, о назначении которых туамам ничего неизвестно. Одежды или брони черепуглы не использовали вообще, так как почти всю кожу их покрывал толстый панцирь, примерно такой же что защищает большинство насекомых. Эти черепуглы всегда находились здесь, никогда не обращались с орудиями труда или смерти, и никогда не выходили наружу. Шиста знал это и видел их здесь и раньше, но при этом не брался задумываться о том, какая роль в сообществе этого племени им отведена, были ли они приближёнными к вождю, или же шаманами (если у черепуглов существовали шаманы), или вообще являлись самыми нижайшими существами в чуждом любому возрекающему миру инодумов.

Он аккуратно опустил тело похоже слегка пришедшего в себя незнакомца на мягкую холодную землю у стены грота и присел рядом с ним на одно колено.

– Воды принесите, – сказал он оставшемуся за его спиной воину, и после того, как тот немедленно удалился, спросил, обращаясь к сородичу, – Как себя чувствуешь?

Туам не ответил, хотя вопрос, судя по выражению глаз, понял.

– Ты как здесь оказался? И из какого ты племени?

Незнакомец продолжал молчать.

– Послушай, – нахмурился Шиста, – Я сейчас спас тебе жизнь. Не знаю как там, откуда ты пришёл, но в нашем племени и даже здесь, у черепуглов Клыкаменной равнины это немало значит. Ты вполне можешь... слушай, – Шиста сдвинул брови, – А ты не немой случайно?

– Нет, – тихо ответил незнакомец, впервые заговорив.

Охотник, утвердительно кивнув, хотел сказать ещё что-то, но сзади послышались шаги, и, обернувшись, он увидел Вождя, которого, если бы не трещина его головного панциря над бровью, выделить среди остальных было бы совершенно невозможно. С ним был и Пте, лицо которого в свою очередь тоже было как две капли похоже на лица других черепуглов, но для Шисты являлось всегда почему-то исключительным, узнаваемым даже в кромешной тьме. Охотник встал, поприветствовал обоих, приняв из рук Пте сделанный из панцирного окончания, что носят на двух своих хвостах все эти твари, сосуд с ледяной водой и протянул его своему сородичу.

– Зачем он тебе? – спросил Пте, который всегда отличался любопытством, немного большим, чем все его соплеменники. Он больше чем любой другой черепугл сновал вдоль всего

вирсинкского предлесья, доходя аж до Гор Облаков, и чаще чем многие другие существа, считая и инодумов и возрекающих, встречался с племенем Голого Солнца. Полного его имени, как и имён остальных инодумов, туамы никогда не запоминали, поэтому звали его попросту Пте, и лишь изредка Шарисс-Апух – так оно начиналось. Он, не смотря на всю свою инодумскую странность, был весьма приятным гостем в племени Голого Солнца, что, впрочем, не мешало зваться ему среди туамов ещё и Вывернутым.

– Опыт ему буду передавать, раз больше некому, – зло отмахнулся Шиста. – В твою-то башку ничего не вобьёшь.

Пте ничего не ответил, о чём-то, по всей видимости, задумавшись.

– Ты обещал, что-нибудь взамен, – вступил Вождь.

– Обещал, – твёрдо ответил Шиста. – Только сам вынужден просить у вас помощи. Я шёл сюда, потому что ничего не смог добыть ни в степях Хааска, ни в Клыкаменной равнине, вплоть до подножия вашего холма. Мне нужно было немного мяса и воды. Теперь я вынужден просить больше, – так как надеюсь, что вы отдадите мне этого туама. А с ним мне будет труднее идти домой – он слаб, как размякшая на жаре лягушка.

Некоторое время длилась тишина, во время которой оба черепугла неотрывно смотрели на охотника, словно пытаясь продырявить его голову между глаз своими взглядами. Что за манера, – прошипел про себя Шиста, стараясь не смотреть на собеседников. Никаких приличий у этих скелетов шестилапых нет, палкой им по мослам. Да и попробуй объясни им, что такое приличие. Смушение, стыд... страх. Единственное, что у нас (да и то не у всех) с ними похожего – так это доблесть и отвага, хотя и эти-то вещи у них наизнанку, хвосты бы их в бульон. Ведь ни один возрекающий, будь он туам, дубина – скварн или вирсинк, не выберет пусть даже самую доблестную и героическую смерть вместо удачи остаться в живых.

– Тебе дадут припасов, сколько попросишь, в подхолмье, – ответил Вождь и отправился восвояси.

Если бы Шиста не знал столько времени этого племени, он сильно удивился бы такому исходу дела. Он-то думал, что придётся выкупать мальчишку из когтистых узловатых лап – ведь тот был законной добычей черепуглов, и в дополнение к этому обещать что-нибудь за еду ещё и для него. А всё это отдали просто так, впрочем, быть может, хорошо взяв на заметку этот случай. Что сказать – инодумы.

Охотник помог подняться юноше и они вместе отправились к выходу, а за ними последовал и молчавший всё это время Пте.

– Пойдёшь со мной? – спросил Шиста.

– Да, – ответил черепугл.

– До нашего становища?

– Где оно сейчас?

– В дневном переходе от Мутной реки.

– Тогда – да.

Шиста оставил сородича у входа в лаз, через который они прошли в холм, попросил приглядеть за ним Пте, сильно сомневаясь в надёжности этой просьбы, а сам отправился в подхолмье, в изрытую глубь каменистой земли, на которой стоял арду тысячи черепуглов.

Некоторое время молодой туам стоял неподвижно, прислонившись, к камню у входа в тоннель, затем, вздохнув, словно собравшись с силами, оттолкнулся от него и не спеша пошёл в ту сторону, из которой его принёс охотник. Пте не сказал ни слова, но тут же отправился за ним, не смотря на спутника, но при этом со странно-настораживающей точностью повторяя все его движения. Юноша остановился у места, где его схватили, поднял свёрток своих пожитков и уставился на черепугла. Тот в свою очередь тоже стал смотреть на него, и так они долго неотрывно изучали друг друга, и прежде чем из одной из нор холма появился Шиста и направился к ним, Пте вдруг спросил на главном языке:

- Как тебя зовут?
- Цзара, – ответил без промедления туама.

«Сначала мне было очень грустно. Я просто не знал, как избавиться от этой тоски. Порой ни с того ни сего начинал бежать, может, пытался убежать от грусти? Со временем она сама ушла, словно утихающий ветер, но после этого не стало лучше – ведь я не представлял, куда и зачем иду. Меня угнетало моё одиночество, ведь я привык быть с племенем. А в степи я был один – без туамов, друзей, знакомых. Двигаясь по нескончаемым степям Хааска, я порой находил на окраины стоянок кочевых племён или деревень, но не входил в них: во-первых из-за осторожности, потому как никогда не встречался с туамами не из моего племени, во-вторых, потому что Тэтрэваа предупредил меня поменьше общаться даже с туамами – несвободным народом. Натыкаясь каждый раз на очередное поселение, я с каждым разом всё больше убеждался, насколько мы несвободны. Тут и там разгуливали отряды скварнов, забирали последнюю провизию у безвольных вождей, воинов, женщин... Говорят, что маги или кто-то ещё в прошлом наложили запрет на межрасовые связи, но скварнам, видимо, наплевать и на магов и на то, что может ещё породиться от таких связей... Я видел всё это, затаившись в ветвях деревьев или траве, но никогда не заходил в стоянки. Сколько боли я перетерпел за время этого пути. Ведь ни одного туама я не встретил, о котором можно было бы сказать так, как говорил о возрекающих Тэтрэваа. А я мечтал обрести таких друзей. Друзей, подобных тому, кого уже давно обняли листья дерева рухи. Но самое печальное – не в том, что туамы – угнетаемый и слабый народ, – хуже то, что во всём этом положении, во всём, что я видел, нет ничего удивительного, отчаянного, отвратительного. Окрамирье, то окрамирье, что я успел узнать, устроено мерзко, но при этом всё в нём так, как должно быть...»

Шиста помотал головой, словно отходя ото сна. Речь молодого туама так захватила его, что он потерял связь с действительностью, словно проникнув в голову спасённого юноши, следя снова его молодыми ногами по проделанному пути и начиная уже, кажется, чувствовать то же, что и он тогда, хоть и многого при этом не понимая из его слов.

Цзара оторвал взгляд от огня, разведённого ими в тени большого одинокого дерева, которое много веков назад, будучи ещё семенем, было занесено сюда ветром от Вирсинского леса, невидимого и неслышимого из такой дали. Освещённые костром лица его новых знакомых – Шисты, могучее, суровое, словно вырезанное из светлого дерева солнца и Пте, Вывернутого – угловатое, хищное с отталкивающе-выраженными чертами ящерицы, но всё же загадочное, словно размытое маревом дождя – казались ему такими уютными сейчас, вселяющими спокойствие и возможность не думать о плохом. Им не пришлось уговаривать его на рассказ – он сам как-то незаметно для себя разошёлся, всё больше окунаясь в проделанный путь и свои невесёлые домыслы, в то время как костёр и ветер на пару ему нашептывали что-то одно им понятное.

– Так ты прошёл окраиной почти всей земли Хааска? – спросил Шиста, невидящим взглядом смотря в огонь.

– Я не знаю, как я шёл, и где край Хааска. Скорее всего, петлял, как слепой, и прошагал намного больше, чем было бы напрямик. Однажды, я наткнулся на скварнов, которые вели себя так, как будто они вообще находятся в Мергалоне. У них не было ни брони, ни тяжёлого груза. Они не опасались ничего вокруг и им было, по-моему, очень скучно. Я не успел ни отвернуть, ни залечь в траве – настолько быстро они передо мной выросли. Один из их тавтов сперва набросился на меня – видимо, был сильно голоден, и они не сразу его отогнали, с интересом наблюдая, как я от него отмахиваюсь. Затем они стали допрашивать, кто я такой, и что здесь делаю. Я сочинил не очень убедительную историю о том, что сильно заболел во время перехода со скварнами в Мергалон, меня оставили умирать, я выжил и решил догонять отряд. Они не поверили, стали злиться и бить меня хлыстом, но впоследствии, так как основные их

мысли были направлены на что-то более важное, отступились, сказав через некоторое время, что я пойду с ними, указав на то, что Мергалон немного в другой стороне. Однако отправились мы и вовсе в третью сторону – куда-то на запад, в центр Хааска. Я в тот момент должен был быть где-то рядом с Каменной Рекой. Хотя, это лишь смутное предположение. Скварны привязали меня к одному из тавтов и днём, пока мы двигались, мне приходилось идти очень быстро, порой переходя на бег. Это длилось несколько дней, пока мы не пришли в стоянку одного из наших племён, Круглой Тропы, что ли. Там мы остановились, скварнам выделили большой арду, и те привязали меня у входа на улице. Здесь-то и случилось то, ради чего я описываю этот отрезок моего пути.

Как-то вечером, когда на улице уже никого не было, один из скварнов притащил к нашему арду девушку. Она кричала и отбивалась от него, как могла, но это его только сместило – что может сделать воину-скварну туамская женщина, которая уже его, наверное, раза в два? Я не в силах был смотреть в её глаза, когда её взгляд остановился на мне, перед тем как скварн вместе со своей ношей скрылся под пологом шатра. Моя привязь служила скорее символом моего временного рабства, нежели настоящим орудием плена – скварнам и в голову не могло прийти, что я попытаюсь убежать, поэтому я разделался с узлами в два счёта. Что было дальше, я помню как-то странно. Я словно в тумане наблюдал за всем происходящим, причём со стороны, и если бы мы с этой девушкой не говорили о том случае некоторое время спустя, я до сих пор бы не верил, что в тот момент Я делал всё это, а не кто-то другой. Ворвавшись в арду, я схватил меч, стоявший у порога и, ни секунды не раздумывая, воткнул его в грудь скварну, который был пьян и, оторвавшись от добычи на шум, даже не понял, что произошло. Почти сразу же в арду завалился второй, немногим более трезвый чем первый, и убить его тоже не составило большого труда, – в то время я был полон сил и два дня уже ничего не делал. Вот после этого-то я и стал сомневаться, что действовал по собственной воле, а не вселялся ко мне в голову кто-то чужой.

В племени мало кто, кроме близких девушки, был рад такому исходу той ночи – ведь если бы в Мергалоне узнали о подобном случае, племени этому было бы несдобровать. Мне пришлось вскорости покинуть поселение, а вместе со мной, в попытке избежать страшной участи, ушла и она. Мы отправились на север-запад, в надежде оказаться подальше от Мергалона, и она, пока нам не пришлось расстаться, стала мне вроде как женой. В дороге мы не испытывали больших неприятностей, и дошли до территории Пернатых, где скварны появлялись значительно реже чем у нас или, тем более, у Каменной Реки. Пока мы находились там, моей спутницей овладел какой-то недуг, наподобие того, что бывает от укуса синюшных мух, только кожа её не покрылась никакими пятнами, а осталась такой же. Она пролежала в арду шаманов три дня, и ей не стало ни хуже, ни лучше, а на четвёртый день я двинулся дальше, так как своим присутствием подвергал опасности и себя и туамов племени. Она сама попросила меня идти, и я не стал спорить. Надеюсь, что скварны не добрались до неё и не узнали, где она находится. Дней через восемнадцать – двадцать я дошёл до Клыкаменной равнины без особых приключений, если не считать того, что случилось там, у вашего холма – Цзара кивнул Пте, который расположился у костра, странным образом подогнув свои шесть лап, словно готовился к броску.

Шиста неохотно встал и принялся собирать сучья, упавшие с их большого дерева, которые в большом количестве валялись вокруг. Когда он снова подошёл к костру и стал бросать в него хворост, то спросил:

– А почему ты сразу нам столько о себе рассказал, и о своём племени, ведь этот твой Тэтраваа предупреждал тебя, чтоб помалкивал?

Цзара делано улыбнулся

– Так ведь вы же не скварны.

– А если бы я был из племени, больше всего подвластного Мергалону, и сдал бы им тебя?

– Да ведь видно сразу кто ты... – Пожал плечами Цзара, на секунду задумавшись. Кроме того ты ходил к черепуглам, а единственное племя, которое с ними поддерживает отношения, как я слышал, это племя Голого Солнца. По всему Хааску говорят, что вы не платите дань Мауру... это верно?

– Да. Во времена моей юности скварны пару раз приходили в наши становища, с целью предъявить свои права, так сказать. Мы уходили в Вирсинкский лес, а там им нас было уже не достать, для них ведь лес – что вода для мух. А когда я был совсем маленький, в том возрасте, от которого мало остаётся воспоминаний, случались и стычки, небольшие, правда, – тогда Мергалон не властвовал ещё над всеми землями севернее Большой Излучины. Но скварнов мне убивать не доводилось. Нужно нести в себе немало сил и смелости, чтобы одолеть воинов, что здоровее тебя раза в полтора, а?

– Да куда уж там, в полтора, – отмахнулся Цзара. – Да и смелости я тогда особой не чувствовал, говорю же, всё произошло так, будто я на две половины разделился: одна, которая не была властна над собственной головой осталась внутри, а другая, вышла наружу и стала наблюдать за всем происходящим. Причём, неизвестно в какой из них осталась моя память, так как помню я всё это весьма смутно. Знаешь, я не хочу об этом разговаривать. Скажи лучше, ты вирсинков видел, раз живёшь вплотную с их лесом?

– Ну да, вижу иногда, а что?

– Да так, интересно просто. Я кроме своих сородичей и скварнов никого из возрекающих не видел никогда. Да и о черепуглах до недавнего времени тоже только понаслышке знал, но ведь они не возрекающие. Птаха, правда, называли луноглазым, но ведь он хоть и был на них похож (принимая во внимание слухи, сам-то я не могу сравнивать) всё же был туамом.

– А зачем тебе их видеть-то? – непонимающе спросил Шиста, предав огню последний сучок.

– Ну, интересно же. Я слышал от Птаха, что все шесть рас произошли от каких-то общих предков. Значит, мы все изначально состоим в некоем кровном родстве... да и вообще, неужели тебе не хотелось бы повидать народы, которые ты никогда не видел?

– Да как-то не очень... – отрешённо пожал плечами Шиста. – Мне интересно побольше припасов принести в племя, в мёртвый год. А ещё интересно, чтоб меня всякие мерзопакостники не трогали, вроде скварнов. Да и видел я их почти всех – скварнов, вирсинков, луноглазых, – он слегка улыбнулся, – Туамов. Остальных не знаю и, признаюсь тебе, раз уж разоткровенничались мы так с тобой, знать не особо хочу. Мне вон этих хватает, – он кивнул на молчавшего всю ночь Пте. – Понять бы хоть чуть-чуть, что у этих ящериц на уме. А то ведь, не знаешь, охотишься с ними бок о бок, добычей делишься, а они вдруг возьмут да уйдут от тебя в самый решающий момент, когда целая стая двенадцатиногих тебя окружит, или и того хуже... Эй, Шаррис-апухх! – окликнул он черепугла. – Давно хотел тебя, друг мой костлявый, спросить: вы никогда в пищу туамов не употребляете?

Пте лишь сменил слегка положение головы, приподняв её к небу, как видно, задумался, и ничего не отвечал в течение нескольких минут, после чего Шиста, не надеясь чего-либо от него дожидаться, вновь повернулся к Цзаре, деланно ухмыльнувшись: мол, сам всё видишь.

– А если ты хочешь повидать этих твоих родственников, то сходи к магам Круга Ожидания – у них там всяких-прочих полно, хотя, сообщу тебе, если твои слова – правда, и какие-нибудь там вирсинки, или, не приведи Отец вальхаларов, скварны, действительно наши дальние родичи, то лучше уж об этом и не узнавать никогда. А у магов, говорят, есть даже эти, ну с гор Облаков, как их, булыжников им полные сапоги...

– Молги, – подсказал Цзара.

– Они. Тоже – маги, наверное. Иначе, с чего бы это им там торчать.

– А где этот Круг Ожидания?

– Говорят, что в Башне. Не знаю, я совсем близко рядом с ней не был и потому – никого там не видел. Ты что, хочешь пойти?

Цзара задумался.

– Да нет, – ответил он после некоторой паузы. – Что мне там делать? Чем мне помогут маги? Они ведь всю жизнь там, наверное, сидят. Если только посоветуют, как быть. Кто их знает – может, им и дела нет до наших племён. Я не знаю, куда мне идти и зачем. Уходя из племени Дождей, я не представлял, чем могу помочь своему народу, хоть и мысли мои были только об этом. Но когда я продвигался на север, целью моей было – дойти до вашего племени, поскольку я слышал, что оно самое свободное из всех племён Хааска. Теперь вот я почти дошёл, а что делать дальше...

Шиста прилёг на древесные корни и сказал, зевнув:

– Тогда пошли к нам. Поговорим с туамами племени. Может, кто и даст дельный совет, хотя бóльшим тебе вряд ли помогут. Кто захочет добровольно покидать место, до которого не могут добраться скварны? Тем более, неизвестно ради чего. Слушай, – он вдруг приподнялся на локте, – А может, ты у нас останешься? Скоро мёртвый год кончится, в лесах и степях станет много дичи, будем с тобой охотиться от Клыкаменной равнины до самых гор Облаков. Повстречаешь своих возрекающих, порасспросишь, что да как в окромирье, может чего и придумаем вместе, а?

– Не знаю, Шиста, – покачал головой Цзара. – Не думаю, что смогу сидеть на месте до конца мёртвого года.

– Ну тогда давай спать. Сил нет уже, веки держать, чтоб не опустились, – с этими словами он перевернулся на другой бок и, кажется, сразу заснул.

А Цзара и Пте сидели ещё у затухающего костра до самого рассвета, и за это время никто из них не проронил ни слова.

О том, что рядом место постоянной стоянки племени Голого Солнца, с которого оно лишь изредка укочёвывало на восток, ближе к высокогорьям, туда, где лес плавно растворялся в равнине, свидетельствовало наличие редких, совершенно не вписывающихся в пейзаж, чёрных деревьев Дальнего Запада. Такие росли лишь между землями, которые целиком принадлежали инодумам, и холодным Сухим морем. И ещё здесь. Стволы и ветви этих деревьев были сплошь чёрными, словно обгорелыми в сильном огне, шершавыми и очень угловатыми, что напоминало тела черепаглов. Благодаря этим-то черепаглам, которые часто посещали единственное дружественное им в Хааске племя, а также и посещениям их территорий здешними туамами, семена сих деревьев, вероятно, и были занесены так далеко от привычных мест произрастания.

По мере продвижения путников, на их дороге почти не попадались деревья обычные, однако по левую руку всё время маячила стена Вирсинкского леса, состоящая из стволов, некоторые из которых в ширину превосходили, наверное, арду, и чем ближе они были к своей цели – тем ближе становилась и эта стена. В то время, когда стали появляться чёрные деревья, и когда взору открылось поселение, они подошли к ней вплотную.

Туамы племени, приветствуя Пте и Шисту, с интересом оглядывали Цзара, пока они шли к складу, чтобы оставить там припасы, взятые у черепаглов, а также те, что добыли сами – им всё же удалось почти у самого леса убить небольшого пушного зверя, названия которого Цзара не знал. От склада они направились напрямик к арду вождя. Шиста при этом бодро и ловко отмахивался от расспросов зевак, которых вокруг них становилось всё больше.

– Кто такой, кто такой... – (это на вопросы о незнакомце). – Принц вирсинский, вот кто! Волосатостью не вышел, вот они его и выгнали... Худой-то худой, да зато в еде меру знает, в отличие от некоторых... Башню магов штурмовали... А что они там сидят, может и другим охота?... Ну и что, что в другую сторону, солнце вон тоже в одной стороне заходит, из дру-

гой выходит, как оно это делает, спрашивается? Не знаешь, вот и нос не суй, пока не пришёл Аших-Азуй... Тиастас, что смотришь, понравился? Смотри, смотри, он хоть и шириной в плечах не вышел, – да только воин великий, таких, как ты двоих за пазуху кинет, а одну на месте съест... – И так всю дорогу до Арду вождя. Шиста явно развлекался, подтрунивая над своими соплеменниками и едко отвечая на их шутки в ответ. Был он из тех туамов, что из бесчисленного количества сведений, наполняющих всё вокруг, берут по ведомым одним только им причинам те, что никогда бы не взял для себя, к примеру, Цзара. В головы таких туамов, как вода в мох, впитываются какие-то неизвестно когда прозвучавшие слова и фразы и, перемешанные там неведомой поварёшкой, вновь выливаются обратно в непредсказуемые моменты и в непредсказуемых сочетаниях. Порой, как успел заметить Цзара во время этого короткого, но очень содержательного перехода через становище, Шиста отвечал своим знакомым такими выражениями, что даже сам, казалось, не понимал, что они значили. К примеру, на вопрос о том, где Шиста оставил кусок своей штанины, он произнёс следующее: «На поляне Рратукосса, там где Хуст гоняют осы». После некоторой паузы громким хохотом разразились все вокруг, кроме одного туама – он-то и был Хустой, под левым глазом которого синела опухоль от укуса древесной осы.

И уж, конечно, Шиста, в отличие от Цзары, ни при каких обстоятельствах не полез бы за словом в карман.

– Вождь, – обратился Шиста к пожилому, но нисколько не согнутому годами могучему туаму, когда они вошли в его арду. – Этого юношу зовут Цзара. Он пришёл к нам аж из самого племени Дождей. Я встретил его в Клыкаменной равнине и забрал у черепаглов, которые тащат в свой холм всё без разбору. Ему нужен арду, он хороший охотник, позавчера они с Пте убили твердошкура, я им почти не помогал.

Вождь, занятый какими-то своими мыслями, оглядел Цзару, задал несколько совершенно не касающихся дела вопросов, типа: «что значит татуировка, у нас таких не делают?», затем окликнул кого-то на улице, коротко отдал поручение и велел подождать где-нибудь неподалёку. Путники не успели отойти и десяти шагов от арду вождя, как к ним подбежал юный охотник и сообщил, что одна из женщин племени, ставшая прошлым годом вдовой, согласна принять у себя чужака. Шиста хитро подмигнул Цзару, велел немедленно предать «уставшего воина» царству тишины и покоя, а сам немедленно удалился куда-то с Пте, который всё это время был рядом с ними. Юноша привёл Цзару к небольшому арду, стоявшему у самого леса и тут же исчез.

– Я постараюсь надолго не задерживаться, – угрюмо произнёс он женщине средних лет, чуть помладше Шисты и на порядок старше его самого. В едва заметных морщинах её стояла тёплая печаль, а в волосах запутались белые семена каких-то неведомых лесных растений, что странным образом украшало её голову.

– Ну, на ночь-то, я надеюсь, удержишься? – спросила она и внезапно, словно не удержавшись, прыснула, причём так заразительно засмеялась её глаза, что и Цзара, давно уже переставший выражать какие-либо эмоции, растянулся в глупой улыбке.

Близился год тёплых дождей, несущих лесам и полям жизнь из небесных недр. Правда здесь, в нескольких десятках дневных переходов к северу от тех мест, где охотились соплеменники Цзары, порой чувствовалось в этих дождях что-то от того холодного моря, которое было не так далеко, за полосой вирсинкского леса. Да и прошедший мёртвый год, какие невзгоды бы он не свалил на плечи Цзары, был здесь всё-таки не таким горячим, как в центре Хааска, который считался даже жарче чем южные земли за Желтоварой.

Шиста, Цзара и Пте возвращались с большой охоты, во время которой они дошли почти до первых возвышенностей южного хребта гор Облаков по землям, лежащим восточнее Хааска и севернее территорий, принадлежащих Мергалону. Теперь они двигались на северо-запад,

рассчитывая за три-четыре дневных перехода лёгким бегом добраться до стоянки своего племени. Половину из добытого ими завяленного мяса они уже съели, зайдя так далеко на восток, поэтому за эти дни в вирсинкском предлесье им нужно было раздобыть что-то и для племени. Из охоты втроём они приспособились извлекать такую выгоду, что могли не переживать о возвращении в становище с пустыми руками. Пте на своих шести лапах бесшумно заходил сзади замеченного животного и начинал гнать его на затаившегося с луком Цзару. Тот в определённый момент стрелял в зверя и, порой, успевал выпустить не одну стрелу, прежде чем добыча поворачивала или падала. Если же она, раненная не смертельно, двигалась дальше, они вдвоём продолжали направлять её бег в нужную сторону, держась по обе стороны, чуть сзади и в итоге, пригоняли напрямиком к засаде Шисты, который добывал её обычно одним верным ударом длинного клинка или из лука.

В разгар этого запомнившегося больше всего за всю охоту дня, они наткнулись на небольшого нивура (некоторые из них здесь встречались порой в одиночку), и, применив свой отточенный приём, с лёгкостью убили его. Теперь нужно было как-то унести наибольшее количество мяса этого грузного животного и Цзара с Шистой принялись немедленно разделывать тушу, пока Пте разводил огонь.

– Гляди, – внезапно сказал Шиста, смотревший на восток.

Цзара обернулся. Этот день был самым ясным из дней проведённых им здесь в этом году: солнце стояло в самом зените, на небе не виднелось ни единого облачка, а воздух был настолько прозрачным, что над горизонтом, в той стороне, откуда они пришли были заметны очертания какого-то шпиля, Цзара сначала не понял что это, а когда догадался, даже рот раскрыл от удивления. Этого предмета они не видели и на возвышенностях, от которых пришли добрых девять дней назад, хотя оттуда до него должно было быть намного ближе. Полупрозрачный, едва заметный тонкий пик, казалось, парил в воздухе, так как его основания, которое должно было начинаться от ровной линии горизонта, не было вовсе – он постепенно вырастал прямо из яркой синевы неба. Совершенно невозможно было рассмотреть его подробностей, настолько маленьким он казался, но при этом, зная КАК далеко он находится, Цзара с некоторым холодком в груди представлял, насколько он огромен.

– Башня, – тихо сказал Шиста. Она стоит к северо-востоку от гор Облаков. Чтобы дойти до неё, нужно сделать столько же шагов, сколько бы потребовалось для пересечения половины всего Хааска. Я, правда, не проходил пол Хааска, но вот, почти у Башни однажды побывал, у подножия самого северного пика гор Облаков – Валкúдры, дальше которой уже начинаются какие-то другие горы и холмы. Оттуда к Башне ведёт дорога, по которой изредка проходят путники, может эти твои, суэтарр... молги, не знаю, я вниз не спускался.

– А она высокая?

– О да. Вот отсюда ты не видишь её основания, поскольку оно в какой-то поволоке – кто их знает этих магов, посохом им по хребту, так вот близ неё не видно вершины. Стоишь вроде так далеко – наверное, ещё два дня шагать, а вверх смотришь – как будто вплотную – сама себя загораживает, и вершина даже в ясный день будто полупрозрачная, знаешь, как будто из-за самого воздуха не видать. В общем, представить это себе, мой друг, невозможно – надо видеть. Такие вот дела... тень на темень падала.

Шиста продолжил дальше снимать шкуру с туши, не обращая больше внимания на далёкий пик, а Цзара надолго задумался, забыв о работе.

– Я не могу больше сидеть на месте, – сказал неожиданно он.

– А что же ты собираешься делать? – спросил Шиста, не отрываясь от занятия.

– Пойду к башне, быть может, маги действительно смогут дать мне какой-нибудь совет, о том, где мне искать союзников.

– А что тебя здесь не устраивает?

– Да как ты не понимаешь? Моё племя, которое меня вырастило и дало всё, что у меня есть и было, там терпит прихоти Мергалона, с каждым концом дождливого года наглежащего всё больше. Я и так просидел здесь уже несколько недель, сколько ещё можно? Не могу я так, Шиста. Не могу сидеть и ждать непонятно чего.

– Слушай, Цзара, – вздохнул Шиста. – Ты же сам рассказывал о своём племени. Здесь ты встретил хоть одного туама, похожего на того вашего кладовщика? Да и вообще, хоть кто-нибудь отнёсся к тебе неподобающим образом? Здесь тебя уважают и ценят, несмотря на то, что ты чужак, и, не смотря на слухи о туаме, убившем двух скварнов, дошедшие даже досюда...

– Вы свободны. Вы не знаете ни голода под конец мёртвого года, ни унижения, ни стыда перед своими женщинами в те минуты, когда приходят воины Мергалона... да и о чём речь? Ты хочешь уговорить меня остаться?

Шиста опустил голову и, как будто разозлившись, бросил:

– Я просто не хочу, чтобы ты уходил неизвестно ради чего. Один.

– Я пойду с тобой, – внезапно проговорил Пте, нарушая своё многодневное молчание, и Цзара уставился на него с диким удивлением, в то время как Шиста невесело усмехнулся, махнув рукой:

– А! У вас всю жизнь одно на уме. Кстати, будь осторожен, Цзара, если всё же решишься идти. Если Вывернутый собрался с тобой, значит, он уверен, что вы не вернётесь.

– В каком смысле?

– Ну, понимаешь... черепуглы видят смысл своей жизни в красивой, правильной смерти. Они всю жизнь себя готовят к тому, чтобы умереть с достоинством, живут ради этого. Они верят, что после смерти вернуться к тем, кого считают своими покровителями – к вальхала-рам. Валаров-то они почему-то не очень жалуют. Кажется, думают, что это валары их сюда и притащили с лун, что были до Стужеvejной Ночи. Они не боятся смерти, как не может ни один из самых отчаянных возрекающих, они живут одной только мыслью о ней, поэтому, как я думаю, у них нет ни государств, ни мудрёных приспособлений. Дико, правда? Именно поэтому те черепуглы, что живут к западу от Клыкаменной равнины, на самом дальнем Дальнем Западе, постоянно воюют с племенами других инодумов.

– А наши не воюют? – перебил Цзара.

– Нашим места не хватает, – усмехнулся Шиста.

– А ещё о них что-нибудь известно? – Цзара, знавший Пте уже порядочное количество времени так поразились подробностями о его расе, что забыл даже, с чего вообще начался разговор.

– Ну, например, то, что они ровным счётом ничего не чувствуют, из того что чувствуем мы, возрекающие, кроме боли, конечно. Хотя... – В этот момент его лицо приобрело такое выражение, что принять его сразу, согласиться с тем, что это лицо на такие выражения способно, было трудно. Шиста ушёл, зарылся куда-то в глубины своей памяти и долго не возвращался обратно, а когда вернулся, то сказал как-то неожиданно печально:

– Бывают порой у них такие номера, что даже не знаешь, что и думать, и как понимать. А порой вообще мурашки пробирают от их поступков. Ладно, дружище, – он снова оживился, – Давай-ка уже делом займёмся, нам ещё большую часть на себе тащить из этого.

– А почему мы твоего тавта не взяли? – спросил Цзара, решив, что окончательное решение вынесет в становище и принимаясь за нож.

– Ты... – Шиста сначала нахмурился, обдумывая вопрос, и сразу же усмехнулся. – Ты думаешь, тавта можно бы было навьючить?

Цзара ничего не ответил.

На подходе к селению, всех троих что-то насторожило, и по мере приближения к нему продолжало настораживать всё больше и больше. Они шли вдоль самого вирсинкского пред-

лесья, которое порой становилось довольно размытой границей между двумя средами обитания, так как, то и дело край равнины оказывался заросшим мелкой порослью самых различных деревьев. Поэтому ни по каким признакам невозможно было понять, что же всё-таки не так, даже когда уже начали появляться чёрные деревья с Дальнего Запада. Быть может, какое-то самостоятельное чутьё охотников успело определить по невидимым признакам близкую опасность? Так или иначе, все трое, не сговариваясь, стали двигаться крадучись, до тех пор, пока не подошли к небольшому холму, за которым уже было видно становище. Шиста напряжённо сбросил со своих плеч тяжёлый мешок, знаком велел Цзаре и Пте оставаться на месте, а сам, пригнувшись с наивозможнейшей в такой позе скоростью, ринулся вперёд. Не прошло и нескольких минут, а он, весь запыхавшись (хоть и пробежал-то всего-ничего) примчался обратно. По правде говоря, ему даже рот открывать было не нужно – всё читалось по лицу.

– Скварны, – выдохнул он. – Штук сто, – это только которых я успел заметить. Похоже, застали племя врасплох, и уже давно, – бой почти затих, но туамов что-то маловато, скорее всего, кто-то успел уйти в лес. Нужно что-то немедленно решать! – последнюю фразу он произнёс уже в нервном нетерпении, буквально вскипев на глазах.

– Что решать? Вступим в бой – вот и всё, – бросил Цзара, вытаскивая из-за спины лук.

– Умрём напрасно, – нервно ответил Шиста, – Хоть и убьём несколько этих пэжвуа вуф-сле.

– Не напрасно, – коротко прошипел Пте, надевая на каждый из пальцев своих передних лап острый, как осколок горного хрусталя наконечник, из тех, что в великом множестве были прикреплены к его загривку. Цзара в тот момент впервые увидел, каким неприятным огнём разгораются глаза черепугла в предвкушении боя, а кончики раздвоенного хвоста начинают трястись, словно хлипкие листья на сильном ветру.

– Пте, – с нажимом, словно едва сдерживаясь, проговорил Шиста. – Это, конечно, для тебя БОЛЬШОЙ шанс, но сейчас давай немного подумаем и подождём для наших судеб ещё более героический конец, а не папахивающий идиотизмом!

– Давайте подойдём поближе, понаблюдаем, – предложил Цзара.

Они короткими но быстрыми шагами добрались до того места, где останавливался Шиста и затаились в траве меж редких тонких деревьев на вершине земляного бугра, откуда им было видно всю стоянку. Битва уже давно отшумела и большинство скварнов восседало молча на своих свирепых тавтах, смотря, как туамы подтаскивают к их сборищу убитых воинов Мергалона (а их, кстати, было немало), собирают из потрёпанных арду припасы и оружие и грузят всё это на повозки, которые им предстоит, вероятно, тащить на себе. Прошло немного времени, и большая часть скварнов-наездников, разделившись на два отряда, между которыми расположились пленные мужчины племени, отправилась на юг, покинув окраину вирсинкского леса. В селении осталось около трёх десятков пеших воинов Мергалона, туамские женщины, дети, приближённые к вождю и всего около пятнадцати охотников племени.

– Что же они остались? – спросил вполголоса Шиста. – Хотят дожидаться что ли, когда те, что успели уйти в лес, вернутся?

Никто ему не ответил, и они молча продолжили наблюдать.

– Какого демона они тут ждут? – заговорил снова Шиста сквозь зубы, когда через несколько минут ничего не произошло.

– Жаль, что только начало года и в племени почти нет вина, а то, что было, скорее всего, забрали с собой всадники, – медленно проговорил Цзара. – Иначе бы они все давно перепились.

– Интересно, а где их тавты? – спросил Шиста.

– Охотятся, – ответил Цзара.

– А, может, они приехали на некоторых по-двое? Поэтому и остались здесь. Может тавты устают нести двух скварнов за раз?

– Наладонников нет, – задумчиво произнёс Цзара.

– Что? – Не понял Шиста.

– Скварны-наездники носят на ладонях специальные кожаные пластины, иначе им трудно держаться за гриву, – пальцы слишком толстые и короткие, не как у нас. Это не всадники, и, соответственно, не собираются уезжать отсюда верхом. У них нет тавтов.

– Это хорошо... – начал было Шиста, но Цзара не дал ему договорить.

– Мы сможем перебить их, – коротко сказал он, и при этих словах Пте, который сидел по левую руку от него, с непонятными словами «пушш-хасарр!» рванулся было вперёд, но Цзара успел схватить его за один из кончиков хвоста.

– Подожди. У тебя есть трубка. У нас с Шистой – луки. Начнём атаковать издалека, и пока они поспешат сюда, кого-нибудь да успеем убить. А когда они оставят селение, я уверен, наши сообразят что к чему, и помогут. Пте, беги вон туда, – он указал налево, – Ну примерно вон к тому дереву. А ты, Шиста, наоборот – на север, примерно на такое же расстояние. Я останусь здесь, и начну атаковать, как только вы добежите. Вы тут же подхватите.

Пте, даже не дослушав до конца и пожелав, почему-то, голодной смерти, умчался прочь а Шиста слегка замешкался.

– Что? – спросил Цзара. Ему вдруг стало неловко, оттого, что он неожиданно для себя отдал поручение туаму, который был на много лет старше его, и до сих пор сам принимал решения в охоте, да и в остальных действиях, требующих принятия каких-либо решений. Но только вот Шиста вряд ли часто сталкивался со скварнами, а Цзара почти что жил с ними с детства, и кому как ни ему было знать о том, как они себя поведут и о том, как нужно вести себя с ними. Да и в тот момент, честно говоря, его охватило страшное нетерпение оттого, что они уже битый час торчали в траве и смотрели на разграбленное и взятое в плен селение.

Но Шиста, словно сразу поняв его мысли, не стал пускаться в разговоры и, ничего не ответив, засеменил туда, куда ему указали.

Цзара взялся за лук. «Далековато», – с досадой подумал он, но всё же, что есть сил, натянул тетиву и выстрелил. Он особо и не надеялся попасть, однако стрела угодила-таки в одного из воинов, расположившихся у крайнего арду, правда не убила, а, похоже, лишь ранила. И тут же слева едва уловимый звук звонкого духового плевка сопровождал значительных размеров отравленную иглу из того места, где затаился Пте. И игла достигла своей цели, заставив в ужасе метаться ещё одного. Через мгновение выстрелил и Шиста, и его стрела на раз свалила здорового скварна. Прежде чем скварны опомнились и поняли, откуда ведётся стрельба, Цзара успел натянуть тетиву дважды. Враги почти всей сворой кинулись к ним. Цзара стрелял ещё и ещё, но несколько раз промахнулся, да и не все его стрелы валили врагов намертво. Зато Шиста, опытный охотник, стрелял без промаха и почти каждого, в кого попадал, убивал на месте. Как обстояли дела у Пте, Цзара не видел и не слышал из-за воплей приближающихся врагов, которым до их засады оставалось уже шагов двадцать. Цзара откинул лук, прижался к земле и вытащил меч, подаренный ему племенем Голого Солнца. Кровь так стучала в ушах, что, казалось, должна была вот-вот из них политься.

Скварны рассеялись, приближаясь цепочкой, и когда двое из них по обе стороны от Цзара почти пробежали мимо, не заметив туама, песочный цвет кожи которого был весьма схожим с цветом травы, он в одно мгновение поднялся на ноги и, выхватив из набедренного футляра нож, запустил его в бок ближайшему из врагов. Второй рванулся к нему, но в этот момент позади него раздался неистовый вопль «хасаррр!», и он на секунду замешкался. Цзаре не составило большого труда увернуться от тяжелого топора и вонзить узкое лезвие своего меча в грудь скварну. Туам огляделся. Слева Пте расправлялся один с двумя скварнами – они могучие, тяжелые ничего не могли сделать против его молниеносных движений и уже истекали кровью, истыканные и изрезанные страшными когтями-напёрстками. И тут же, слева и спереди, к Цзаре неслось самое большое количество противников – четверо, здоровенные, освирепевшие от злости. Ему ещё кое-как удалось отразить удар ближайшего и рубануть ему

по ногам, но вот против остальных, что держались вместе, идти было невозможно, и Цзара что есть сил рванулся в сторону леса. Пробежав несколько шагов, он заметил Шисту, который спешил навстречу, но оценив ситуацию, остановился, выдернул из-за спины лук и прицелился. Цзара как можно ниже пригнулся к земле, и почувствовал дуновение от пролетевшей над ним стрелы. Обернувшись на мгновение, он понял, что вокруг осталось всего три скварна, и вдалеке в дикой пляске полосовали друг друга черепугл и особо проворный из них. Но те двое, что гнались за Цзарой, были уже так близко, что один из них в следующий миг всё-таки до него дотянулся.

Мощный удар в бок не-то кулаком, не-то палицей свалил Цзару на землю и заставил прокатиться по ней ещё шагов семь. Тут же на него всей своей махиной взгромоздился скварн и приставил нож к горлу. Ещё одна стрела Шисты, освободила молодого туама от этой тяжести, но на его место вскочил второй. Цзара, чьи руки оказались придавленными к земле намертво, с отчаянием осознал, что Шиста не успеет выхватить новую стрелу, и почувствовал уже, как под кожу проникает холодное острие всё того же ножа, как вдруг скварн с противным воплем соскочил с него и начал извиваться в нескольких шагах на земле.

– Пте! – закричал вдруг Шиста и кинулся куда-то мимо Цзары.

Когда Цзара поднялся и, с трудом переходя на бег, приблизился к Шисте, склонившемуся над черепуглом, всё уже было кончено.

– Что случилось? – скривившись, спросил он, ещё даже не увидев Пте целиком из-за спины Шисты.

– Ничего, – прошипел инодум, с трудом поднимаясь. – Ногу сломал.

Оказывается, когда жизнь Цзары висела на волоске, а Шиста только накладывал стрелу на лук, Пте, который всё никак не мог расправиться со своим противником, вдруг бросил его, повернувшись спиной, и снова достал духовую трубку, чтобы помочь. Единственный оставшийся скварн ударил его по ногам палицей, повалив на землю, и почти уже нанёс решающий удар, но вовремя подоспел Шиста.

– Ты мог умереть, – сказал тихо Цзара, осознав что выжил благодаря черепуглу.

Секунду длилось молчание, а затем Шиста, из брови и рта которого текла кровь, засмеялся так, будто услышал самую смешную в своей жизни байку, правда настоящего веселья в его смехе не было – это выглядело как попытка выдохнуть запредельное напряжение.

– Пошли, – сказал он, отсмеявшись. – Сюда прибежали не все, штук пять точно осталось в становище.

Цзара помог подняться Пте, у коего было серьёзно повреждено определённо больше одной лапы и, пытаясь его поддерживать, последовал вслед за Шистой, умчавшимся вперёд.

Как они и надеялись, тех скварнов, что в небольшом количестве остались в становище, перебили, быстрее врагов оценив ситуацию, пленённые охотники. Когда Цзара, Шиста и Пте вошли в селение, они тесной кучкой стояли среди трупов врагов и своих сородичей и смотрели на них в нерешительном изумлении.

– Вас только трое? – спросил кто-то негромко.

– А вы думали пятьдесят? – усмехнулся Шиста, присаживаясь на валяющуюся бесхозно жердину. – Что эти скварны остались?

– Они нам не сообщали, – ответил вождь, устало присаживаясь рядом. Всю его голую грудь пересекал большущий рубец, кровь от которого уже запеклась. – Не хотели, чтобы успешные уйти вернулись и помогли нам перебраться. Судя по их действиям и разговорам, они хотели обождать нас начисто – до последней рыбьей кости, только вот увезти заразу им всё не удалось. Они были уверены, что ушедшие не станут атаковать, и совершенно не ожидали опасности с востока. Вы молодцы, – он покивал с уважением в глазах, – Втроём убили двенадцать воинов Мергалона. Два туама и черепугл! Теперь спасти сможем хоть что-то, если отправимся вслед за уцелевшими в лес, не медля.

– Тавтов не поубивали? – спросил Шиста.

– Нет. Благодаря им многие и смогли уйти. Твой Полосатый тоже жив, не волнуйся. Слава валарам, ушли почти все женщины и дети.

– А как они сумели вообще напасть? Раньше же мы всегда засекали их отряды.

– Так то – отряды, – вздохнул вождь, – Делегации. А тут почти две сотни, одновременно ударившие с трёх сторон. Сильно зол был Маур на нас – столько лет плевали на его власть. Теперь, после побоища он и вовсе нас не оставит, хоть целый год будет весь лес осаждать, до самой засухи.

– Мергалон, по слухам, воюет с кем-то, – сказал Шиста. Он мрачно смотрел на остатки бывшего становища и Цзара мог только догадываться, что чувствовал этот опытный воин, жизнь которого тоже теперь изменилась навсегда. Все их жизни теперь изменились. Не осталось в окрамирье туамов, пренебрегающих силой Мергалона.

– Готовится к войне, – ответил спустя какое-то время вождь. – И сейчас ему нужны воины, как никогда. Да что говорить, – Вождь поднялся. – Надо как можно скорей уходить в чащу. Друзья, – он обвёл взглядом Шисту, Цзару и Пте, – Вы славно сражались, таких битв я не видел уже столько, сколько вы ещё не прожили. Вы заслужили почёт и отдых, но сейчас нам нужна помощь каждого воина, и я прошу вас о помощи – нужно уйти и унести как можно больше до темноты.

– Да какие отдыхания, вождь! – поднялся и Шиста. – Я хребет надорву, а этим мерзавцам ничего не оставляю. И пусть Маур хоть собственный язык проглотит от злости!

Мужчины племени (всего, если считать Цзару с Шистой, их было двадцать два), а также несколько женщин, не успевших или не желавших уйти без детей, собрали всё самое необходимое из оставшегося в стоянке провианта и уже через несколько часов двинулись на север – к стене Вирсинкского леса.

Шли молча, никому, понятное дело было не до разговоров, даже детям. Цзара, уже давно познавший, что значит внимание подданных Мергалона, был, тем не менее, подавлен не меньше остальных. Он сильно привязался к племени Голого Солнца и порой почти до конца пропитывался их относительной беззаботностью, однако в глубине души всегда знал, что рано или поздно она должна закончиться. А в придачу начала подмывать дурацкая, на первый взгляд, мысль, что его присутствие в их племени сыграло не последнюю роль в том, что произошло. И, может быть, не он один мог так подумать?

Пытаясь как-то отодвинуть всё больше гнетущее настроение, Цзара начал усердно оглядываться по сторонам. Он впервые оказался в лесу, о котором в его родном племени никогда не ходило добрых слухов, и он бы мысленно готовился к самым неожиданным и неприятным встречам, если бы не был знаком с Птахом, чью кровь уже давно выпили корни рухи. Пришедший от луноглазых однажды бывал здесь, и, когда друзья с некоторым придыханием, словно в ожидании чего-то таинственного, спрашивали об этом, он со снисходительной улыбкой развеивал их тёмные представления. Да, водились здесь совершенно иные звери и птицы, нежели на равнине, и некоторые из них были и сильны и коварны, но всё же они не имели ничего общего с теми кошмарами, о которых толковали беззубые старики по вечерам у костра. Взаправду существовали и пауки, величиной превосходящие даже скварнов и плетущие не паутины – а огромные сети меж исполинских деревьев, но не было, например, глиняной ведьмы, утягивающей всё встречаемое ей в болото бродящее, словно живое, по всему лесу. По крайней мере, Птах был уверен, что её не было и быть не могло. Не встречал он ни разу также и Утопленного Царя, разрывающего на части заблудившихся, и Летающие Поляны, попав на которые можно было, по слухам, умереть от страха. А вот двенадцатиногих он видел воочию и соглашался, что от них нужно держаться подальше. Но в целом, Птах всегда подытоживал, что и в лесу и в степи нет никого опаснее и сильнее возрекающих, как ни страшны казались бы те, рядом с кем они жили.

Цзара молча перебирал в памяти всё то, что он слышал о Вирсинкском лесе, пока они шли меж огромных сплошь замшелых невероятно древних деревьев, по которым скакали какие-то мелкие зверьки, внимательно разглядывающие их из гущи крон. Справа шёл Шиста, который, по всей видимости, не мог долго молчать, и время от времени просвещал Цзару короткими фразами относительно их пути.

– Тропы почти не видно, – в очередной раз сказал он. – Давно мы по ней не хаживали.

Шедший позади всех Пте что-то прошипел в ответ на своём языке, наверное, не важное, а может и совершенно непонятное, так как Шиста не обратил на это внимание. Цзара молчал, оглядываясь по сторонам. Всё-таки ему в диковинку было отсутствие горизонта и простора степи.

– До места становища не так уж много осталось, – вставил опять Шиста, когда шедшие впереди туамы вдруг остановились по очереди, начиная с головы процессии, оттого, что первый из них – следопыт вдруг резко поднял руку.

– С тропы! – шёпотом крикнул он через плечо. – Спрячьтесь за деревьями!

Сам впередиидущий, пригнувшись, просеменил на несколько шагов вперёд и за мелкой порослью потерялся из виду. Прошло немало времени, прежде чем он вернулся обратно и стал что-то возбуждённо объяснять вождю. Стало понятно, что прятаться больше не нужно, так как говорили они довольно громко, и туамы постепенно стали возвращаться на тропу из своих укрытий. Шиста быстро направился к вождю, и Цзара неспешно последовал его примеру.

– ...Он был ранен, – говорил следопыт, когда его услышал Цзара. – Весь исколот и искромсан. Быть может, на гнездо камнеедов напал, да не справился, а дотуда смог добраться. Вот здесь оно его и сцапало. И, похоже, давно – он уже гнить стал... заживо.

– В общем, опасности нет? – спросил вождь.

– Нет. Они сцепились, как два корня, переплетённые между собой. Да если бы и не это, он всё равно бы не представлял опасности.

– Тогда пошли дальше, – скомандовал вождь.

Шиста, который услышал больше чем Цзара, взял его за локоть, и с энтузиазмом повёл вперёд, чуть отклоняясь вправо от тропы.

– Мы догоним, – сообщил он остальным, что последовали за вождём. – Пошли, посмотришь на кой-чего, – добавил он Цзару.

Через несколько шагов они остановились на краю небольшой проплешины, в центре которой возвышалось огромное разлапистое дерево с тысячей стволов, ветвей и корневых ответвлений, выходящих на поверхность и стелящихся по ней, словно толстые верёвки. Цзара невольно открыл рот, смотря на него, ибо с деревом происходило что-то непонятное, что именно – он понял не сразу, а когда понял, то изумился до крайней степени. Вся конструкция гигантского растения словно ходила ходуном, раскачивалась, извивалась и ежеминутно преобразовывалась. Из общего переплетения подвижных стволов вываливались наружу новые, поглощались обратно и старались всем своим количеством оплести существо, намертво связанное с деревом. В какое-то мгновение животное, почти неподвижное доселе, собрав все силы, извернулось, вынырнуло из этого хаоса гибких ветвей и стеблей, и Шиста с Цзарой невольно отпрянули, хотя стояли весьма далеко. Животное стало одерживать верх над растением, разрывая в клочья его всепоглощающие щупальца своими страшными двенадцатью лапами, и всё это происходило настолько медленно, что можно было в совершенстве рассмотреть каждое движение.

– Это двенадцатиногий, – сообщил едва слышно Шиста, в то время как Цзара не мог оторвать взгляда от огромного, длинного, словно у змеи, туловища, которое уже вновь начали опутывать кровожадные стебли. – А это дерево-стоствольник. Оно питается всякими неповоротливыми животными, и другими растениями, если сможет дотянуться. Но чтобы сцепиться с двенадцатиногим... – он замолчал, покачав головой.

– Пошли, – с трудом отрываясь от зрелища, сказал Цзара и они вернулись на тропу. А два невероятно далёких друг от друга, но в чём-то и очень схожих исполина всё также хватали, кромсали, душили, рвали, ломали друг друга, продолжая неизвестно когда начатую страшную схватку, и словно олицетворяя этим два неразрывно связанных между собой природных начала животного и растительного миров.

Далее путь туамов и Вывернутого Пте не прерывался, и к темноте они вышли к костру, горевшему на краю небольшого колодца, образованного в чаще отсутствием деревьев. Здесь находилось около пятидесяти туамов – в основном женщины, дети, старухи. Почти не было стариков. Около пятнадцати воинов несли караул по всему периметру лесной проплешины, которая уже не первый раз служила временным убежищем племени Голого Солнца. Вот только во все другие разы здесь было куда тесней.

Охотники, пришедшие с вождём разбили к прочим ещё один большой арду, что принесли с собой, отнесли пищу и необходимые вещи во временный склад и в большинстве своём улеглись спать после общего ужина. Цзара, Пте, Шиста, вождь, один из уцелевших шаманов и ещё несколько зрелых мужчин, которых Цзара почти не знал, остались у костра. Костёр запылал алым пламенем, словно забился в горячем желании к действиям. Яркие всполохи его каким-то таинственным образом стали притягивать взгляды всех присутствующих, чьи лица окрасились багровым воинственным светом, а тени, лёгшие на стены древесного колодца, принялись плясать по стволам огромных деревьев заворачивающе и пугающе. Шаман встал, высыпал из мешочка, одного из множества висевших на его поясе, какое-то неизвестное вещество, похожее на перемолотый мох, и кинул его в огонь. Костёр мгновенно рванулся вверх, вытягиваясь, словно ствол молодого дерева, из оранжевого превратился в жёлтый, зелёный, затем осел, сделавшись шире, выплеснул в разные стороны яркие языки, похожие на капли разбрызганной воды, и снова неохотно стал прежним. Пока с огнём происходили эти странные действия и все, завороченные моментом, смотрели только на него, шаман уже раскурил трубку, набив её зельем какого-то необычного аромата, и передал её вождю.

Когда трубка сделала полный оборот вокруг костра, вождь медленно и размеренно, словно сам вслушиваясь в свой глубокий голос, заговорил:

– Мергалон добрался до нас. Он получил большую добычу. Но большая часть от него ушла. К тому же из рук скварнов вырвали то, что уже в них было. Давно не было такого, чтобы туамы убивали скварнов. Быть может, и в этом была ваша удача, – он указал на Шисту. – Они отвыкли драться, приучившись только забирать. Теперь они от нас не отстанут. Даже если Мергалон действительно с кем-то воюет, и Мауру не будет до одного племени дела, скварны придут к подножию леса ещё не раз, и будут долго сторожить нас в поисках отмщения. Наша относительно беззаботная жизнь кончилась. Не стало больше в Хааске племени, не обращающего внимание на господство скварнов. Нам предстоит решить – как действовать дальше. Я знаю много исходов из этой ситуации. Но промолчу, дав сперва слово вам, членам племени, ровно, как и этого совета. Цзара и Пте, вы тоже вправе участвовать, хотя от вас я не жду никаких идей – вы итак уже своим поступком сегодня более чем красноречиво высказались о своих намерениях.

Вождь замолчал, но слова его, казавшиеся в тот момент, почему-то невероятно важными, ещё долго звучали в голове Цзары. Всё вдруг стало резким и однозначным. То, что он хотел услышать, воспринималось разумом как единственный правдоподобный, нежели вообще не единственный существующий звук. Все остальные звуки были не реальнее воспоминаний о прошлых снах. Цзара отвёл взгляд от костра, и понял, что его слегка пошатывает. Он посмотрел на черепугла, сидящего чуть поодаль и образ его показался ему чуть ли не до боли в глазах чётким и ясным на фоне призрачного марева, поглощающего все остальные предметы, в том числе и огонь, который до этого момента был наиважнейшим среди всего остального. Цзара помотал головой, силясь стряхнуть странный дурман, навеянный зельем из трубки, но лишь

разбросал в стороны клочья полупрозрачных видений, плавающих где угодно, только не перед самыми глазами.

– Нужно подождать хотя бы несколько дней, – сказал один из охотников, отвечая вождю. – Посмотрим, повысылаем разведчиков, порасспрашиваем соседние племена. Быть может, не так страшны по утру призраки тьмы? Быть может, и Мергалону не до нас будет.

Некоторое время все молчали, затем Шиста громко и с каким-то даже вызовом заговорил, начисто заглушая все остальные звуки:

– Мы не будем ничего выжидать и высматривать. Какую войну ведёт там Мергалон? Желает захватить ещё какое-нибудь племя, территорию, народ? Таким манером скварны в итоге окажутся хозяевами всего окрамирья. Они доберутся и до леса и до моря, и как далеко бы мы не смогли уйти – впредь не сможем найти от них укрытия. Когда я ещё был юнцом и воровал блестящие камушки из холма черепуглов, я и имени-то такого не слышал: «Маур», хоть и тогда уже скварны приходили порой и к нам в племя, хоть и вряд ли питали какие-то надежды насчёт власти над нами. Да, Хааск был и тогда, и ещё множество лет назад несвободным, но только вот не происходило того, что творится сейчас. Не были туамы приравнены к скварновским домашним животным, и не могли эти выродки делать с нашими родителями, что хотели. Хааск просто платил дань за проживание на, якобы, их исконной территории. Теперь же, мало в какой стороне можно спросить о Мергалоне и не услышать в ответ о вреде и пакости, которые это место распространяет повсюду. Правда, полушёпотом. А Маур – это уж как пить дать – хочет всё большего и не остановится, пока даже самый Дальний Запад не станет платить ему дань. И с каждым годом они всё сильнее. Теперь вот и с этими объединились... – Шиста напряг лоб. – Цзара, скажи, ну кто у них там в союзе?

– Лигонды, – ответил Цзара, помотав головой в попытке отогнать овладевшую окончательно его разумом сладкую, странным образом сосредотачивающую на чём-то одном полудрёму.

– Они, родимые... в общем, скварны заходят слишком далеко в своих мечтах подчинить себе всё вокруг. Я предлагаю собрать те силы, что у нас есть, попробовать поискать новые, найти, вырастить, но сделать так, чтобы эти их мечты действительно остались только мечтами. Иначе племя Голого Солнца – единственное из всех, что пока ещё не пресмыкается перед прихотями Мергалона, через каких-нибудь несколько дней таковым уже зваться не будет, ибо потому солнце у нас и зовётся голым, что только свободным туамам предстаёт в своём истинном и полном свете.

Шиста обильно хлебнул из кожаной фляги и сел. Повисла тишина, и у Цзары, который начал к этой тишине прислушиваться, невольно сконцентрировав внимание на мнимом полном беззвучии, зазвенело в ушах.

– Что могут сделать туамы против скварнов? – спросил через некоторое время пожилой щуплый туам, и по лицу его было видно, что на любой ответ Шисты, у него уже есть возражение.

– Я, он, – Шиста указал на Цзару, заговорив ещё громче, – и Пте, черепугл, убили сегодня днём двенадцать скварнов! Что с того, что они чуть выше ростом и шире в плечах...

– Чуть! – невесело усмехнулся пожилой туам.

– Да чуть! – лицо Шисты приняло угрожающие очертания. Он снова вскочил на ноги и стал размахивать, что есть силы, руками. – Мы меньше их, слабее, но зато насколько проворнее! Они забыли, что такое битва, охота, борьба за свою жизнь, сила, дающаяся в минуты отчаяния. Да и не знали никогда – от самого новорассветья, или откуда там маги считают историю, они только и делали, что подгребали под себя всё, что могли. Любой туам, я знаю – любой, может одолеть двух скварнов зараз. Вот он – Шиста вновь указал на Цзару, – вырос в племени, которое из тех, что у нас привыкли считать самыми слабыми, смотря с высокого высока. Но он за свою жизнь убил столько скварнов, сколько некоторые из вас не зарезали даже вуфсле.

– Он видел скварнов, знает, что они из себя представляют, – глядя в землю под ногами, возразил пожилой туам.

– Он всю жизнь перед ними преклонялся! – ответил Шиста.

– А что ты именно намереваешься делать? – спросил один из приближённых к вождю. – Каким образом соберёшь достаточное количество туамов, чтобы хотя бы попытаться дать отпор Мергалону?

– Это ещё предстоит обсудить. Лишь бы туамы в себя поверили. Кроме того, нам помогут черепауглы...

После этих слов все удивлённо воззрились на Шисту, даже те, кто на него не смотрел или вообще избегал его взгляда.

– Ты уверен в этом? – спросил вождь, в голосе и лице которого угадывались крупницы настороженной надежды.

– Пте сказал, что помогут, если мы решимся.

– Это так? – вождь обратился к черепауглу.

– Да – коротко ответил тот.

– Это многое меняет... – протянул пожилой туам.

– Это ничего не меняет, если вы сами не попробуете почесать руки об мечи и копья, а не только свои языки об зубы, – резко ответил Шиста.

На некоторое время туамы призадумались, и по их лицам было видно, что настроение у них уже совершенно не то, что у большинства возникло после предложения Шисты. В их крови текла кровь выходцев из-за Дальнего Запада, по сравнению с которым нынешняя территория Хааска, несмотря на гнёт Мергалона, казалась площадкой для детских игр. Предки всех туамов соседствовали и воевали с самыми свирепыми и сильными народами инодумов, и память об этих временах не угасла до сих пор ни в одном уголке Хааска, а уж в свободном племени Голого Солнца она была живее, чем где бы то ни было.

– С черепауглами мы сможем дойти до самого Мергалона! – воодушевлённо воскликнул самый молодой из присутствующих – видимо, сын кого-то из охотников.

– Но что будем делать у его стен? – спросил вновь скептически настроенный, но весьма бодрый и готовый задать ещё грудку подобных вопросов, пожилой туам.

– У него нет стен, – задумчиво сказал Цзара.

– А мы всегда считали, что есть...

– Это мнение произошло из уверенности в том, что Мергалон неприступен, – сообщил вождь. – Огромные стены, рвы с водой... скварны и сами, скорее всего, распространяют среди остальных народов такое убеждение. А ты там был, Цзара?

– Нет. Но я знаю – стен нет. Весь этот город... страна... стоит на круглых камнях. Как говорят, не очень высоких, где по пояс, где по – шею. Некоторые из них величиной с вот эту поляну, а некоторые такие огромные, что смогли бы послужить стоянкой для нескольких племён.

– А зачем нужны эти камни?

– Не знаю. Говорят – их построили валары.

– А сколько там всего может быть скварнов? – спросил Шиста.

– Не одна тысяча, – ответил уверенно вождь

– И ещё вокруг Мергалона сколько, – сказал здоровенный туам, молчавший до этого времени. – У них по всей округе полно становищ.

– А ещё в наших племенах, которые всего к ним ближе, – дополнил Цзара. – Птах однажды заходил в становище, где скварнов было больше чем туамов.

– Сколько же их всего? – нахмурившись, спросил самый молодой туам.

– По самой скромной мере тысяч пять, – подумав, сказал вождь и повернулся к Цзаре. – Как думаешь?

– Я совершенно не имею понятия, – ответил тот.

– У нас здесь сорок мужчин, – сказал, сощурившись, пожилой туам и хотел добавить ещё что-то, но не дал Шиста:

– Под холмом черепуглов около трёхсот воинов – женщин, незрелых юношей, у них все в одинаковой мере умеют владеть оружием. А холм, между прочим, не один. Может, удастся склонить на свою сторону другие. А насчёт туамов – нас наберётся куда больше сорока. В любом племени, достаточно удалённом от Мергалона, найдутся те, кто возьмёт в руки оружие не ради охоты, при одном только упоминании имени Маура. Вот что я предлагаю: Завтра, прямо с утра без отлагательств, выдвигаемся через лес на запад. Конечно, предлесьем идти прямее, да и через заросли да валежник на тавтах не особо-то поскачешь, зато этот путь недосыгаем пока для скварнов. Выйдем из леса у самой Клыкаменной равнины, даже можно зайти слегка на север, в целях пущей безопасности, а затем меж валунов подойдём к холму. Оттуда уже с войском черепуглов, из одних только наших союзников, или же и из других холмов двигаемся западной окраиной Хааска вплотную к Граничным холмам. По пути собираем всё больше и больше туамов из становищ, которые будем встречать на своём пути. Главное – не дать уйти скварнам, которых мы тоже встретим всенепременно, дабы весть о нашем походе летела до Мергалона как можно медленнее, и к тому времени, когда она всё-таки достигнет ушей этого разжиревшего на наших запасах Маура, успеть собрать достаточные силы. При этом нам не потребуется столько же туамов, сколько скварнов в их каменном улье. Они всё равно не покинут его все. Мы, если у нас будет достаточно воинов, отправим своё войско в трёх направлениях, чтобы очистить от скварновской грязи всю восточную часть Хааска. К тому времени все наши племена восстанут, видя, что скварны, на деле совсем не так могучи, как кажутся. Хааск станет свободным, а наше войско к тому времени сможет уже уничтожить их посты и к северу и к востоку от самого Мергалона. Таким образом, мы обложим его со всех сторон, и, я готов поклясться, все они, до единого, спрячутся в своих каменных арду, и будут молить валаров помочь им остаться в живых, нежели предпримут хоть какую-то попытку к сопротивлению. Тогда мы лишь возьмём то, что по праву принадлежало и принадлежит нам. Всё то, что когда-то скварны, ежа им за пазуху, отобрали у наших сородичей. С тех пор мы будем хозяевами и своей земли и той, что изначально принадлежала им, – с этими словами, Шиста с удовлетворённым видом сел на место.

– Придумал ты конечно всё складно, да только больно уж... – опять начал было пожилой туам, и Шиста снова не дал ему вставить больше ни слова, зло подняв голос:

– БОЛЬНО я могу и головёшкой кого-нибудь по тощей спине огреть! Надоел ты мне, Айтсу! На кой ляд его вообще сюда позвали? – спросил он гневно у окружающих и вновь обратился к пожилому туаму, звавшемуся Айтсу. – Что, предлагаешь затаиться в лесу, попрятаться-побегать от скварнов, которые скоро уже лесных зверей начнут облагать своей податью? Конечно, тебе-то ждать не долго осталось, твой час не за двенадцатью поворотами. А тем, кто после тебя останется, что прикажешь делать?

– Да я ведь не пытаюсь тебя отговорить, – слегка насупленным, но не менее уверенным голосом ответил Айтсу. – Я и слова ещё не сказал о своём взгляде на эту затею, а ты мне головешкой по спине... А что я сказать хочу – совсем ведь не знаешь. Да если туамы всё-таки решатся, я ни секунды не буду медлить, и пойду вместе со своим народом куда угодно. Да и любой здесь поступит так же – глупо думать, что найдутся трусы, а если всё-таки думаешь так ты, Шиста, то плохо, выходит, знаешь своё собственное племя. Но загвоздка-то, она, вот в чём: неужели, если бы была хоть какая-то возможность сквырнуть Мергалон с того места, на котором он стоит, туамы до сих пор бы не попытались этого сделать? Не так-то здесь всё просто, а ты в одночасье затеял великий поход, придумал план и считаешь, что всё выйдет без сучка и задоринки, и даже здесь на совете, никто не попытается оспорить его или усомниться в том, что получится дойти хотя бы до Клыкаменной? Ты, конечно, далеко не молод, Шиста,

но знаешь, порой так бросаешься с места в карьер, как никто из юнцов бы не сделал. Тем более что сейчас идет речь не об одной твоей судьбе, но о судьбах целого племени.

– Я не считаю, что мой план идеален, безопасен и основан на большом военном опыте, – вздохнул Шиста, остывший и больше не вскакивающий со своего места. – Но я считаю, что лучшего, сидя в лесу и не ведая, что происходит на юге, мы всё равно не сможем придумать. А сможем – упустим время, скварны-то уж точно не будут ждать и высматривать. Да и запал у туамов пропадёт, ведь именно сейчас главное – сорваться с места, может и в карьер, как ты говоришь, выплеснуть то, что накопилось в крови, не важно – есть план или нет. Иначе племя вскоре привыкнет и к горю, и к такой жизни, и больше его уже никто не сдвинет отсюда, кроме скварнов, но тогда уже оно уйдёт только на север, ещё глубже в лес, пока не дойдёт до самого моря, или не станет такими как вирсинки. А насчёт того, была ли возможность, начать восстание раньше... Её и не было-то только потому, что никто не пробовал. Ни один туам не поверит, что может легко убить скварна, пока не сделает этого.

– Почему же тогда Хааск вообще оказался во власти Мергалона? – снова заговорил Аитсу. – Неужели никто не пробовал их убивать?

– Говорят, они взяли верх над нашими племенами, которые пришли в свои равнины намного позже новорассветья, при помощи обмана, быть может, втеревшись в доверие, – сказал шаман, который до этого момента безмолвствовал, и только курил, пока остальные напрочь забыли о трубке, отчего глаза его блуждали в своих орбитах, словно у умалишённого.

Некоторое время длилось молчание, после чего заговорил ещё один туам, доселе молчавший – самый древний из присутствующих:

– Говорят и другое, – он некоторое время помолчал, словно для разговора ему нужны были какие-то усилия. – Правитель Мергалона – прапрадед Маура – объявил туамов своими подданными, после того, как скварны уже сотни лет намекали о том, что земли Хааска изначально являлись их собственностью, которую мы заняли, явившись с запада. К тому времени Мергалон уже имел большое влияние на Хааскат – был у нас такой город, не кочевой, который управлял всей страной. Что там есть сейчас, никто, наверно, и не знает, но я знаю, чего там нет – туамов! – старик снова замолчал, и во время его молчания, никто и слабым шорохом не нарушил тишину. – Но Туамы по камушкам бы разнесли Мергалон – это верно – народ, живущий в одном, пусть даже огромном, городе одолеть легче, чем тот, который отдельными племенами кочует, как мы. Но у них было оружие! Неизвестно какое, но с его помощью они и отвоевали столько земель. Теперь им совершенно ни к чему его использовать, все итак знают и боятся, – старик постепенно понижал голос, и на последнем слове он вовсе сошёл на нет.

– Все знают? – с сомнением спросил Шиста. – Что-то я не слышал, чтоб все знали, иначе бы я тоже знал.

– Я, по-моему, тоже слышал о таком, – сказал вождь.

– Ну да ладно, – Шиста спокойно встал в последний раз. – Есть там что, или нет, но я пойду к холму всё равно, и попытаюсь сделать, что смогу. Я охотился для свободного племени, которое скоро таким уже вряд ли можно будет назвать. Или, быть может, его и совсем не станет. Я не вижу для себя другого пути. Если кто решит идти со мной, – я и Пте выходим утром. Цзара, ты с нами?

– Вообще-то, я хотел идти к Башне, – ответил тот.

– Так ты хотя бы реши, зачем, – сказал Шиста, уже собиравшийся уходить от костра, но остановившийся в его круге.

– Цзара! – неожиданно спохватился вождь. – Я совсем забыл, прошлой ночью в селение приходили вирсинки. Они искали тебя.

Цзара и Шиста изумлённо уставились на него.

– Меня? – переспросил через некоторое время Цзара.

– Тебя, – ответил вождь чуть настороженно. – Они приходят к нам иногда, общаются с шаманами, порой помогают. Тут они пожелали встречи со мной и уже у меня спросили, могут ли поговорить с тобой. Я объяснил, что ты на охоте, и они ушли, но сказали, что придут снова, когда ты вернёшься. Их попросили тебя найти маги, я поэтому и вспомнил, когда вы заговорили о Башне.

Цзара был в недоумении. «Странное совпадение, – думал он. – Лишь накануне мы говорили об этом, а они уже ищут меня. Да откуда они вообще обо мне могут знать? И зачем я им понадобился?»

– А как теперь найти этих вирсинков? – спросил он у вождя.

– Если хочешь, – ответил тот, – Шаман завтра сведёт.

– С самого утра, если можно.

– Пусть, – вождь поднялся. – Говорить, я думаю, больше не о чем. Те, кто захочет завтра идти со мной и Шистой, ложитесь спать, нужно хорошо выспаться. Здесь, с женщинами должны будут остаться десять мужчин. На рассвете решим, кто это будет, и кто возглавит остающихся. Я уйду искать для расы туамов лучшей участи, а посему – я больше не вождь этому племени, если вы, конечно, не захотите избрать меня снова, когда всё закончится. Если вообще закончится. И если, закончится так, что племя Голого Солнца им и останется.

Собирая совет, я надеялся, что он пройдёт именно так и что именно так он и завершится, потому и начал теми словами, которые прозвучали первыми. Я знал наверняка, что найдётся тот, кто решит так, как решил Шиста, и я совершенно точно знал, что пойду с ним. Я пойду с Шистой. Пусть он будет вождём этого похода. Пусть он берёт рог сердец. Пусть ОН ведёт нас. Вы сами всё сказали, туамы, и сами всё слышали. Многие ещё сомневаются, и многим предстоит сделать выбор. И те, кому он предстоит, знайте – даже если нам с Шистой придётся уйти завтра вдвоём, окрамирье не останется прежним. Ложитесь спать, а перед сном подумайте хорошо.

После того, как почти все уже разошлись, Шиста подошёл к Цзаре и Пте, которые остались вдвоём сидеть у костра, молча смотря в огонь. Лица обоих были столь задумчивы, что никто другой, скорее всего, не решился бы их потревожить.

– Рратукосса, Цзара! – выпалил Шиста, присаживаясь рядом. – За каким рожном тебе эти маги? Толку от них? Они, говорят, сидят там и целыми ночами на звёзды смотрят из своей Башни, точно головой неудачно ударились. Какая помощь от них?

– На звёзды? – переспросил Цзара, не отрываясь от угасающего потихоньку огня.

– Да ты что, не слушаешь меня?!

Цзара наконец-таки отвлёкся от своего занятия и пристально посмотрел на друга.

– Они же сами позвали меня, Шиста, – сказал он.

– А я что, один пойду?

– Вождь пойдёт. Да все завтра с вами ринутся, вот увидишь, споры начнутся: кого оставлять. У вас в племени славные туамы. Сильные, а хлебнув такого подарка от скварнов, решатся на что угодно, лишь бы вернуть то, чем всю жизнь жили.

– Да они-то пойдут. Но я хочу, чтобы и ты шёл. Ты мне придал уверенности. Честно говоря, я не совсем верил в то, что тебе доводилось сражаться со скварнами, пока я своими глазами не увидел, как ты с ними обходишься. И туамы верят в тебя. Ты ведь как живое доказательство того, что и в других племенах живут и думают так же. Ведь никто же не знает, что там в других племенах творится.

– И правда, – подтвердил Цзара, на какое-то время вновь став задумчивым. – Прости, Шиста, но мне нужно в Башню. Хоть кого-нибудь из твоих знакомых звали маги? Вот. А меня зачем-то позвали. Да и потом, оттого, что одного воина с вами не будет, мало что изменится.

– Ты не просто воин, – сказал Шиста, глядя куда-то в сторону. – Ты ПЕРВЫЙ воин.

– Я решил, друг. Мне нужно туда. Хотя бы для того, чтобы узнать, если маги действительно имеют хоть какой-то ум, почему же и правда, Мергалон вообще властвует над Хааском.

– Как знаешь, – недовольно ответил Шиста и пошёл было прочь, но Цзара окликнул его.

– Что?

– Если будешь всё-таки следовать своему плану, не забудь, что кроме скварнов есть ещё и лигонды. Их страна так и называется – Лигондом и лежит, у Краевого моря, у самого устья Желтоварой.

– Ладно, – ответил Шиста и отошёл от костра, а Цзара и Пте остались сидеть дальше. Неподаляку раздался чей-то звонкий смех, но его тут же оборвал взвинченный голос, ещё не скрывшегося в арду Шисты:

– Эй, Сурта! Чего гогочешь? Ведьму разбудишь!

– Огорчился, – тихо произнёс Цзара, ближе придвинувшись к костру, в котором уже не полыхало пламя, а лишь алела большая куча угольев.

– Завтра снова развеселится, – прошипел в ответ Пте, после чего на некоторое время наступила тишина, а затем неожиданно добавил, – Я хотел идти с тобой, Цзара. Но не пойду. Мне нужно идти с Шистой, иначе моё племя может не пойти за ним. А ты вернёшься к нам, и мы ещё сразимся бок о бок в последней битве, и вальхалары встретят нас на лунах, как никого другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.